

Ростовская Старина

Выпуск № 23 (192)

Март, 2023

Газета

Государственного

музея-заповедника

«Ростовский кремль»

К 180-летию Ивана Александровича Шлякова и 140-летию Ростовского музея

Логотипы Ростовского музея

В истории Ростовского музея были периоды расцвета и упадка, развития и стагнации, которые в настоящее время еще не до конца изучены и осмыслены. Трижды за музейную историю были выработаны логотипы (или, строго говоря, их эквиваленты), визуализировавшие понимание значения музея и смысла его деятельности.

Самый первый «логотип» музея, представлявший собой художественно выполненную «угловую печать» на его фирменных бланках, появился в 1888 г. (ил. 1). Использование этого знака продолжалось почти три десятилетия с незначительными изменениями.

По своему оформлению он резко выделялся среди других официальных бланков того времени, на которых название учреждения выполнялось хотя и красивыми, но типовыми шрифтами. Логотип же Ростовского музея был отрисован вручную и печатался в две краски – черную и красную. Стилистически он восходит даже не к старопечатным изданиям, а, пожалуй, к рукописным книгам, когда исполненная

стей, новое руководство музея приступило к перестройке музейного показа на новых принципах. Эта работа продолжилась и после Октябрьской революции 1917 г., когда на смену синкретической пришла экспозиция, построенная строго на основе хронологического принципа и по группам материалов.

Большую роль в построении новой музейной экспозиции сыграл искусствовед, профессор Историко-филологического факультета Московского университета, уроженец Ростова Б.Н. фон Эдинг, ставший к тому времени членом комитета Ростовского музея. Именно с ним, а также с его братом Д.Н. Эдингом, связано появление второго музейного

посетили музей: «художник В. Фаворский, Д. Эдинг, Борис фон Эдинг, Л[юбовь] П[опова]» (ГМЗРК. Р-869. Л. 352).

На новом логотипе музея, или как тогда говорили – «марке» – Фаворский изобразил один из самых древних и узнаваемых памятников кремля – знаменитые дверные ручки XII в. в форме львиных маскарон на дверях Успенского собора (ил. 2). Логотип выполнен в технике ксилографии – гравюры на дереве. Этот вид тиражной графики в 1920-х гг. переживал расцвет. Художнику удивительно точно немногими гравюрными средствами – насыщенным черным цветом пятен, упругой разнообразной штриховкой – удалось передать особенности этого памятника торевтики, вплоть до фона, на котором он расположен, с двумя дверными замками слева и справа от маски.

При всей условности выразительных средств ксилография очевидно, что «марка» воспроизводит маску с правой створки двери, притом, что обе маски между собой очень похожи. На одной печатной доске автор вырезал и надпись, шрифт которой является органичной частью композиции. Строгость, лаконизм, едва ли не аскетизм этого логотипа стилистически перекликается с построенными в конце 1910-х – начале 1920-х гг. экспозициями древнерусского искусства в Ростовском музее.

В.А. Фаворский был одной из крупнейших фигур среди художников того времени, работавших в «малых жанрах» – издательских марках, экслибрисах, книжной графике и оформлении. Логотип от такого мастера был очень щедрым подарком музею, который в полной мере, к сожалению, не был использован.

Исследователи творчества В.А. Фаворского датируют «марку Ростовского музея» 1928 г. Именно тогда она появилась на обложке и титульном листе книги Д.Н. Эдинга «Сарское городище» (Ростов Ярославский, 1928), и, вероятно, ее появление можно связать именно с этим изданием Ростовского музея. Возможно, создатели логотипа рассчитывали на его практическое применение в будущем – знак можно было использовать и как «издательскую марку» на музейных изданиях, и на бланках официальной документации, и на билетах. Но разгром краеведческого движения в конце 1920-х – начале 1930-х гг., который затронул и Ростовский музей, видимо, оказался преградой этим планам. Кроме книги Эдинга работа Фаворского больше нигде не проявлялась. В целом

ряде музеев хранятся авторские оттиски этой книжной «марки» (в частности, в ГМИИ им. А.С. Пушкина).

Автор третьего музейного логотипа (ил. 3), созданного в 2003 г., Евгений Владиславович Ладыгин (р. 1966), к этому времени уже очень хорошо знал и Ростов, и музей. Потомственный московский художник (его отец В.В. Ладыгин (1940–2012) в свое время разрабатывал, в частности, образцы упаковки для Ростовской кофе-цикорной фабрики), выпускник художественно-графического факультета МПГУ, еще в 2000 г. провел выставку своих графических пейзажей Ростова (рисунки были выполнены пером), десять листов из которых подарил музею. Несколько переизданий выдержал путеводитель «Ростов Великий глазами художника», автором текста и иллюстраций к нему стал Е.В. Ладыгин. Художником разработан и сувенирный перекидной календарь на ростовскую тематику. Тогда, в начале 2000-х гг., Е.В. Ладыгин экспонировал свои ростовские сюжеты на выставках Товарищества ростовских художников, выступал с лекциями перед юными художниками города.

По свидетельству самого художника, идея логотипа Ростовского музея ему явилась во сне. Да, так бывает, когда художник или ученый полностью погружен в творческий процесс. Центром композиции логотипа стало изображение самого совершенного, как считают исследователи, храма Ростовского кремля – надвратной церкви Иоанна Богослова. Именно этот кремлевский храм прежде всего видят, когда подъезжают к кремлю с западной стороны. В нижней части логотипа стилизованным под древнерусскую вязь шрифтом дано закрепленное

в Уставе современное (сокращенное) название музея: «Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»». При этом изображение храма и шрифт объединены в неразрывное органичное целое.

Созданный Е.В. Ладыгиным знак явился первым в истории музея логотипом (товарным знаком), утвержденным в установленном порядке Федеральной службой по интеллектуальной собственности.

Необходимо добавить, что логотип был подарен художником музею. Ну а позже он полностью разработал весь комплект базовых элементов фирменного стиля музея, в т.ч. дизайн бланка, конверта, почтовой открытки с обыгранным изображением логотипа, а также нарисованную в технике перьевой графики в перспективной проекции (с птичьего полета) схему музея (в т.ч. дизайн стенда с ее изображением при входе в музей и вариант в виде буклета). Позже эта схема стала использоваться и на музейных билетах. В тот же период Е.В. Ладыгин для Издательства «Марка» Министерства по связи и информатизации создал дизайн новогодней открытки с панорамой Ростова Великого. Открытка была издана миллионным тиражом и вошла в число лучших открыток года, за что автор был удостоен премии министерства.

Сейчас Евгений Ладыгин – известный художник-график, литератор, педагог и ученый, член Творческого союза художников России и Международной федерации художников ЮНЕСКО (IFA), эксперт художественно-экспертного совета Благотворительного фонда «Новые имена», кандидат педагогических наук. Он автор более сотни печатных работ, в т.ч. монографий, статей и образова-

Ил. 3. Е. В. Ладыгин. Логотип Ростовского музея. 2003 г.

тельных программ в области теории и методики художественного образования, а также творческого краеведения. Произведения художника находятся в собраниях Государственного исторического музея, Музея Москвы, Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника и др., в частных коллекциях. К настоящему времени им разработан дизайн фирменного стиля нескольких десятков российских и зарубежных компаний, а также товарные образцы упаковок и сувенирной продукции.

Нельзя не заметить, что появление логотипов или их эквивалентов так или иначе связано с отдельными вехами в истории музея, а сами они оформляли и фиксировали эти моменты. Так было в конце 1880-х гг., когда через несколько лет после начала работы музей твердо встал на ноги. Так было и в 1920-е гг., когда «марка» В.А. Фаворского зафиксировала музей эпохи легендарного заведующего музеем Д.А. Ушакова (1894–1942).

В конце XX – начале XXI в. музей преобразился, чем во многом обязан стремлениям и исканиям сразу двух своих директоров – В.А. Кима (1938–2000) и А.Е. Леонтьева. Музей приобрел федеральный статус, впервые за свою историю занял всю территорию кремля, значительно изменилась его деятельность – появились новые научные отделы, экспозиции. Символом этого процесса и стал логотип 2003 г., созданный Е.В. Ладыгиным.

Благодарим О.В. Букрееву за помощь в подготовке материала.

Елена Ким,
Дмитрий Чекмасов

Ил. 1. И. А. Шляков (?). Первый «логотип» Ростовского музея. 1888 г. Буквы «Р» и «М» и растительный узор выполнены красной краской, остальные – черной

киноварью заглавная буква «С» словно «процветает» сложным растительным орнаментом.

Разработчиком этого логотипа, вероятно, был Иван Александрович Шляков (1843–1919), хранитель музея с 1883 по 1916 г. и автор многих проектов, связанных с его убранством и реставрацией Ростовского кремля. В 1915 г. современник отмечал: «В Ростовском музее все выдержано в русском стиле, начиная с гвоздика на расписных дверях и кончая художественными резными витринами для хранения вещей». Подавляющее большинство художественных работ (от фресок до экспозиционной мебели) было выполнено по эскизам и под руководством Ивана Александровича. В «русском стиле» выполнен и первый логотип музея.

Известно, что в конце 1916 г., вскоре после ухода И.А. Шлякова с поста заместителя председателя комитета Ростовского музея древно-

логотипа, который был выполнен прославленным русским художником, мастером книжной графики Владимиром Андреевичем Фаворским (1886–1964).

Б.Н. фон Эдинг познакомился с В.А. Фаворским зимой 1914–1915 гг. в Москве, в доме известной художницы-авангардистки Л.С. Поповой на Новинском бульваре, где проходили «Еженедельные собрания по искусству». Здесь читали доклады и дискутировали философ П.А. Флоренский, художники Н.А. Удальцова, А.А. Веснин, К.С. Малевич, историки искусства Б.В. Виппер и сам Б.Н. фон Эдинг, который в марте 1918 г. стал мужем Л.С. Поповой. Вероятно, тогда же В.А. Фаворский написал портрет Б.Н. Эдинга, ныне хранящийся в Ростовском музее. В «Книге посетителей Ростовского музея древностей» сохранились автографы, свидетельствующие о том, что 6 февраля 1918 г. участники этого дружеского кружка

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
РОСТОВСКИЙ

Ил. 2. В. А. Фаворский. Логотип Ростовского музея. Ксилография, ок. 25 × 28 мм. 1928 г. Подпись автора «WF» расположена чуть выше буквы «е» в слове «музей»

«Иван Васильевич»: путешествие во времени»: новая выставка в Ростовском кремле

В 2023 г. исполняется 50 лет одному из самых популярных фильмов советской эпохи – «Иван Васильевич меняет профессию». «Экцентрическая комедия с элементами фантастики» была создана на киностудии «Мосфильм» под руководством замечательного режиссера Леонида Гайдая в 1972–1973 гг.

Кинолента являлась одним из лидеров советского кинопроката; в наши дни она продолжает оставаться, пожалуй, самым известным отечественным фильмом. Натурные съемки в Ростовском кремле, которые проводились в конце августа 1972 г., сделали его архитектурный ансамбль узнаваемым среди сотен памятников древнерусского зодчества миллионами кинозрителей.

В Государских хоромах (Красной палате) Ростовского кремля начала свою работу новая выставка – «Иван Васильевич»: путешествие во времени». Среди участников масштабного проекта – киноконцерт «Мосфильм», Музей кино, Музей М. А. Булгакова (Москва), Театр драмы имени Ф. Г. Волкова, частный музей «Музыка и время» (Ярославль), Музей «Советская эпоха» (Рыбинск), частный музей детской коляски (Ростов), Государственный архив Ярославской области. Важное место занимают и предметы из коллекции музея-заповедника «Ростовский кремль». Руководителем проекта выступил директор музея Александр Филяев.

Концепция выставки изначально предполагала сочетание трех методов экспонирования – музейно-образного, тематико-иллюстративного и театрализации (применение све-

музейный предмет, представляя определенную эпоху). Об условности восприятия времени, его «фиктивности» (выражаясь словами булгаковского персонажа Рейна) напоминают и предметы, размещенные в первом разделе – часы и календари. В центре инсталляции – напольные часы «Густав Беккер» из коллекции музея «Музыка и время». В горизонтальной витрине, помимо карманных и наручных часов отечественного и зарубежного производства, привлекают внимание солнечные часы и «зырянский календарь».

Первая «комната», в которую попадает зритель, рассказывает об истории съемок знаменитого фильма. Самый заметный экспонат – кинокамера «Родина» на штативе, предоставленная Государственным музеем кино: именно такие аппараты использовали для натурных съемок в 1960–1970-е гг.

Представляют интерес и два раскладных алюминиевых кресла, использовавшихся во время съемок в Ростове: сотрудники «Мосфильма» позабыли их в кузове грузового автомобиля, на котором перевозилось оборудование и реквизит из кремля на станцию «Ростов». Их сохранил водитель ростовского автопредприятия В. П. Рыбаков. Документы о съемках фильма из архива киностудии, сувенирные открытки, образцы любительской фото- и кинотехники 1970-х гг. дополнены фотографиями московского фотохудожника Игоря Гневашева и его ростовского коллеги Валерия Абрамова (ил. 1, 2, 3). В особой зоне у окна, на фоне увеличенного кадра из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», экспонируются недавно отреставрированные произведения деревянной скульптуры – «Христос в темнице» и «Ангел», также участвовавшие в съемках.

Ил. 2. Актеры Юрий Яковлев и Леонид Куравлев в перерыве съемок фильма. Фото В. А. Абрамова. Август 1972 г.

товой драматургии пространства, музыкальных и шумовых эффектов и т. п.). «Погружению» в материал способствовало и использование современных мультимедийных средств, работа которых была обеспечена компанией «Light Show Master» (Ярославль). Неотъемлемым элементом выставки является аудиосопровождение: его текст озвучил Александр Морозов.

Выставка устроена согласно булгаковскому представлению о времени и пространстве: движение во времени соотносится с переходом из комнаты в комнату. Само помещение подклета Государских хором – квадратной в плане, со столпом в центре – как нельзя лучше подходит для подобных путешествий. Зритель попадает в зал через особый портал, символизирующий «машину времени» (впрочем, ее функцию реализует и каждый

Второй раздел выставки рассказывает о 30-х гг. XX века. Михаил Булгаков – автор пьесы «Иван Васильевич» – так и не сумел вписаться в строящееся социалистическое общество. Образ кабинета писателя – уголок дореволюционной России, «старого мира». В этот мир грубо вторгается тоталитарное государство: машинописные тексты произведений Булгакова представлены на фоне газеты «Правда» с разгромной статьей в адрес писателя. Приметы времени – индустриализация, формирование культуры личности Сталина, политические репрессии, борьба с религией – показаны через соответствующий предметный ряд. Специально для выставки была отреставрирована картина Ивана Титова «Творец мира И. В. Сталин». Коллаж из копий архивных документов позволяет зрителю погрузиться в атмосферу

Ил. 1. Режиссер Леонид Гайдай на съемочной площадке фильма «Иван Васильевич меняет профессию» в Ростовском кремле. Фото В. А. Абрамова. Август 1972 г.

1930-х гг.: следственные дела (в том числе Д. А. Ушакова, бывшего заведующего Ростовским музеем, Павла (Борисовского), митрополита Ярославского и Ростовского) – ценные исторические источники, далеко не в полной мере введенные в научный и общественный оборот.

Пьеса «Иван Васильевич», созданная в 1934–1935 гг. и поставленная на сцене московского Театра сатиры, была запрещена на следующий год, после состоявшейся генеральной репетиции. Первые публикации произведения состоялись лишь в 1950-е гг. в самиздате; первое книжное исполнение пьесы появилось в 1964 г. в Мюнхене, а на следующий год – в московском издательстве «Искусство». С этими изданиями можно познакомиться на выставке. Вслед за публикациями последовали и первые театральные постановки: в 1967 г. «Ивана Васильевича» поставил Омский театр драмы (в горизонтальной витрине – программа этого спектакля из коллекции Музея М. А. Булгакова).

Эпоха хрущевской «оттепели» стала временем углубленного изучения эпохи Ивана IV: в 50-е и 60-е гг. увидели свет научные работы А. А. Зиминой, С. Б. Веселовского, Р. Г. Скрынникова. Интерес к русской средневековой истории нашел свое выражение в литературных произведениях и театральных постановках. Публикация «Ивана Васильевича» в СССР также может рассматриваться в контексте этого интереса.

28 апреля 1956 г. на сцене театра имени Ф. Г. Волкова состоялась премьера исторической трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» (режиссер Т. А. Кондрашев). Ошеломительным успехом у советских зрителей пользовался спектакль «Василиса Мелентьева» (по А. Н. Островскому), премьера которого прошла летом 1961 г. Главные роли исполняли выдающиеся актеры: Ивана Грозного играл народный артист РСФСР Сергей Ромоданов, а Василису – заслуженная артистка РСФСР Лидия Макарова. В вертикальных витринах представлены театральные костюмы из этих спектаклей, а напротив, у центрального столпа, на подиуме установлен трон «грозного царя» из реквизитной коллекции Волковского театра.

Тему образа Ивана IV в искусстве продолжают картины Ивана Пелвина «Иван Грозный в кремлевской

палате» и Александра Звонилкина «Иван Грозный любит Васису Мелентьеву» (в этой работе Звонилкин выступил как копиист; оригинал принадлежит кисти Григория Седова и хранится в Русском музее). Картина Звонилкина выставлена после продолжительной реставрации в музейной мастерской «Ростовского кремля».

Третий раздел выставки посвящен XVI столетию. Это было время расширения территории страны, формирования централизованного государства, развития русской культуры. Ростов являлся в этот период центром уезда и столицей крупной епархии; не менее пяти раз его посещал царь Иван Васильевич, глубоко почитавший ростовских чудотворцев. На выставке можно познакомиться с монетами XVI в., рукописным документом 1592 г. – образцом делопроизводства, печатным изданием одной из работ Эразма Роттердамского «In Epistolas apostolicas paraphrasis». Особое место занимает шедевр древнерусского искусства XVI столетия – резные царские врата из ростовской церкви Вознесения (Исидора Блаженного), создание которых принято связывать с личностью грозного царя.

В витрине слева от царских врат размещена редкая по красоте и уровню исполнения икона Пресвятой Богородицы Умиление, поступившая в музей из церкви села Астафьево Ростовского уезда. Ее реставрация проведена Ю. М. Барановым в 2016 г. Справа от врат – образ преподобного Сергия Радонежского и избранных ростовских чудотворцев, в которой отразился процесс общерусского «собрания святости», происходивший при ми-

трополите Макарии. На выставке можно познакомиться с образцами лицевого шитья XVI в. (палица «Спас», подвесная пелена «Деисус со святыми на полях»), ювелирного искусства, мелкой пластики; в одной из витрин – несколько антиминсов XVI–XVII вв. из льняной материи. В нишах, превращенных в витрины, экспонируется белокаменный крест 1563 г. из Новгорода, а также одно из воспроизведений креста преподобного Авраамия.

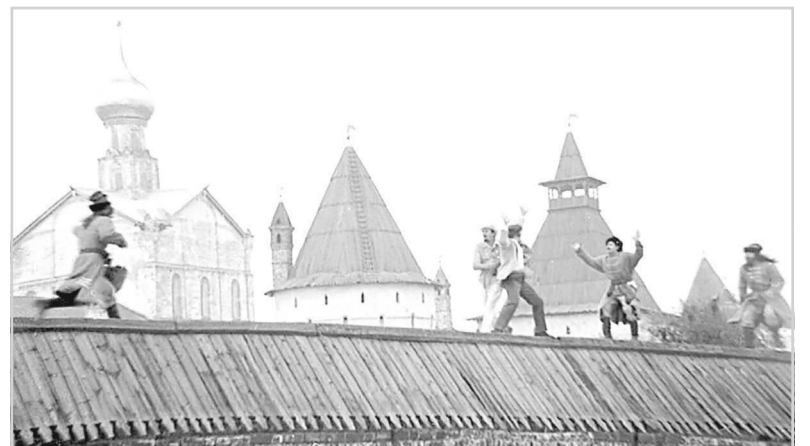
В последнем разделе выставки сконструирован собирательный образ советской квартиры 1970-х гг. – именно в эту эпоху переместился грозный царь в комедии Леонида Гайдая. Телевизор, ковер, книжные полки, кресла, клетчатая рубашка (такая же была у инженера Тимофеева) отсылают зрителя к кадрам из знаменитого фильма. Пространство «советской комнаты» насыщено бытовыми подробностями (авоська с бутылкой кефира, пылесос на ковре, книги на полке), которые помогают перенестись на 50 лет назад.

Таким образом, посетитель выставки вслед за героями пьесы «Иван Васильевич» совершает настоящее путешествие во времени. Оно становится возможным благодаря писательскому таланту Михаила Булгакова, режиссерскому остроумию Леонида Гайдая и неповторимой красоте архитектуры Ростовского кремля.

Выставка «Иван Васильевич»: путешествие во времени» открыта ежедневно, с 10 до 16 часов, до конца 2023 г.

Приглашаем всех желающих присоединиться к невероятному путешествию во времени!

Дмитрий Леонов

Ил. 3. Сцена погони стрельцов за «демонами» на южной стене Ростовского кремля. Фото В. А. Абрамова. Август 1972 г.

Как Марк Алданов и Александр Титов с Гербертом Уэллсом встречались

6 января 1921 г. в парижской газете русских эмигрантов «*Последние новости*» была напечатана статья Марка Алданова, посвященная нашедшим в ту пору очеркам знаменитого английского романиста Герберта Уэллса о его путешествии в Советскую Россию. Через год автор включил эту газетную публикацию (с незначительными стилистическими правками) в свой сборник публицистических произведений «*Огонь и дым*» (Париж: изд. «Франко-русская печать», 1922). Выход в свет в Туманном Альбоне «*России во мгле*» напомнил известному эмигрантскому литератору и публицисту его собственную встречу с автором всемирных бестселлеров – «*Машина времени*», «*Человек-невидимка*», «*Война миров*» и др. Это свидание с английским писателем, как свидетельствовал Марк Александрович, в компании с Александром Андреевичем Титовым, состоялось в Лондоне в январе 1919 г. Каковы же были предпосылки и обстоятельства этой знаменательной встречи?

Вновь к сюжету свидания с Гербертом Уэллсом Марк Алданов вернулся весной 1930 г., когда на страницах тех же «*Последних новостей*» появились его мемуарные заметки – «Из воспоминаний секретаря одной делегации» (впоследствии этот текст не раз переиздавался). Здесь он писал: «После совещания, которое состоялось в Яссах в конце 1918 года, три организации, действовавшие в ту пору на юге России (левая, правая и центральная), решили частью по собственной инициативе, частью по настойчивому приглашению союзных послов в Румынии, отправить совместную делегацию в Париж и Лондон “для изложения положения дел в России”. В состав делегации входили: В. И. Гурко, К. Р. Кровопусков, П. Н. Миллюков, А. А. Титов, С. Н. Третьяков и Н. Н. Шебеко». Самому же М. А. Алданову была отведена роль секретаря этой представительной политической делегации.

Обоих фигурантов встречи с Уэллсом – Александра Андреевича Титова (1878–1961) и Марка Александровича Ландау-Алданова (1886–1957) – на протяжении десятилетий связывала близкая дружба, общность идейно-политических взглядов и широкая вовлеченность в общественно-культурную работу русской эмиграции в Париже. Их переписка хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета в США. А познакомились и сблизились они как раз в переломную эпоху большевистской революции и гражданской войны в России.

А. А. Титов, выходец из знаменитой купеческой семьи Ростова Великого, в 1903 г. получил степень доктора философии в Лейпцигском университете, защитив диссертацию по химии (у будущего нобелевского лауреата профессора Вильгельма Оствальда). М. А. Ландау родился в состоятельной еврейской семье киевского сахарозаводчика, окончил Университет Св. Владимира, где учился сразу на двух факультетах – правоведения и физико-математическом. Утверждаясь в профессии, он трудился по специальности химика и тоже занимался научной работой, публикуя исследовательские труды.

Ученый-химик, преподаватель Московского университета, а затем Народного университета имени А. Л. Шанявского А. А. Титов рано вошел в политическую деятельность: он был одним из основателей народно-социалистической партии. В годы Первой мировой войны в качестве члена главного комитета Всероссийского союза городов А. А. Титов занимался вопросами снабжения армии медикаментами. Полученный богатый практический опыт он с успехом использует в эмиграции, создав химико-фармацевтическую фирму «Биотерапия», производившую и поставлявшую французской армии и по всему миру

вакцины. После Февральской революции 1917 г. А. А. Титов во Временном правительстве А. Ф. Керенского занимал пост товарища министра продовольствия (при министре-социалисте А. В. Пошехонове), возглавлял Управление по снабжению населения предметами первой необходимости.

Весной 1918 г. А. А. Титов принял участие в создании Союза возрождения России. «Мне казалось, – писал он в неопубликованном фрагменте своих воспоминаний, – что необходимо создать организацию государственно мыслящих людей, приемлющих Февральскую революцию. После нескольких организационных собраний, при участии народных социалистов, правых социал-революционеров и левых кадетов образован был Союз возрождения России». Вследствие усиления красного террора политик летом 1918 г. перемещается в Киев, куда перевозит свою семью, до того некоторое время находившуюся в Ростове-на-Дону. По воспоминаниям А. А. Титова, в Киев «из Москвы и Петербурга приехало много народу, и мы смогли возобновить деятельность Союза возрождения и Союза общественных деятелей».

Ил. 2. Марк Алданов. Париж, 1925 г.

Именно тогда, очевидно, и случилось его знакомство с химиком и начинающим талантливым литератором Марком Ландау, который, в свою очередь, присоединился к деятельности партии народных социалистов.

К осени 1918 г. существенные изменения произошли на фронте, все более очевидным становилось поражение Германии и ее союзников. Почти вся Украина была охвачена анархией, относительно спокойным оставался только юг. 13 ноября А. А. Титов, позаботившись о безопасности семьи, выезжает из Киева в Одессу (туда же отправляется и М. А. Ландау). Здесь в условиях военного перемирия решено было созвать «съезд с широким фронтом для обсуждения возможной дальнейшей деятельности». Страны Антанты были заинтересованы в поддержке всех антибольшевистских сил, противостоящих правительству

Советской России: «предательский» сепаратный мир с Германией большевикам никто тогда прощать не собирался. Большое совещание российских политических сил с представителями держав Антанты, по предложению последней стороны, было решено провести в Яссах – временной столице Румынии. После захвата австрийской армией Бухареста в этом небольшом городке разместилось румынское правительство, посольства, штабы армий, включая русскую, миссии союзных держав. Не задержавшись в Одессе и пары дней, А. А. Титов вместе с коллегами из разных политических партий отправились поездом в Яссы.

«Яссы – небольшой и очень грязный губернский город – были переполнены. Там тогда жил Двор, штаб армии, министерства, громадный наплыв бежавшей из Бухареста знати. Достать помещение в гостиницах было невозможно, наше консульство тоже было переполнено, там работал наш посланник и ютился персонал посольства. Пришлось оставаться в вагоне...», – вспоминал один из участников конференции Н. В. Савич.

Совещание в Яссах проходило с 16 по 23 ноября. В состав русской делегации вошел ряд видных российских политиков. Совет государственного объединения России представляли М. В. Брайкевич, В. И. Гурко, А. В. Кривошеин, М. С. Маргулис, В. В. Меллер-Закомельский, кадет П. Н. Миллюков; Национальный центр – кадет М. М. Федоров, А. Я. Чемберс; Союз возрождения России – эсер И. И. Бунаков-Фундаминский, К. Р. Кровопусков, народный социалист А. А. Титов; личные приглашения получили В. Я. Демченко, Н. Ф. фон Дитмар, И. М. Новиков, А. И. Пильц, В. П. Рябушинский, Н. В. Савич, С. Н. Третьяков, Н. А. Хомяков, Н. Н. Шебеко и др.

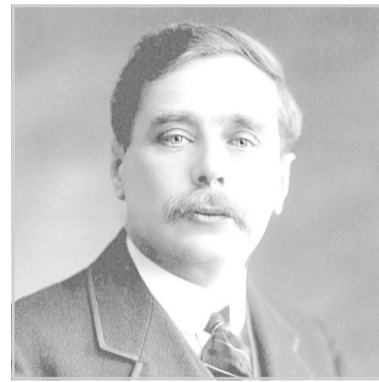
Ил. 3. Александр Титов. Париж, 1922 г.

По мысли инициаторов конференции, она должна была образовывать постоянное учреждение для контактов с союзническими силами – Русский национальный совет. Он мог стать прообразом национального правительства и главным посредником, опираясь на который союзнические державы могли бы узнавать «все нужды, чаяния и запросы организованной и государственного настроения русской общности».

Предполагалось обсуждение с союзниками широкой военной и экономической помощи Белому движению для продолжения борьбы с большевистским режимом. Совещание призвано было выработать программу ликвидации власти большевиков и план нового государственного устройства России. Н. В. Савич вспоминал: «Самый факт этого совещания, этих разговоров, был благоприятным призна-

ком. Он устанавливал интерес союзников к делу освобождения России, ставил на очередь его обсуждение не только здесь, но и в Центре, в Париже, куда, несомненно, будут немедленно сообщены все результаты переговоров, происходивших в Яссах».

Работа совещания фиксировалась в специальных журналах (протоколах), в одном из которых, к примеру, читаем: «П. Н. Миллюков огласил проект составленного им совместно с А. А. Титовым по поручению совещания третьего обращения к союзникам с подробным изложением взгляда делегации на средства воссоздания и объединения России» (22 ноября).

Ил. 1. Герберт Уэллс. 1910-е гг.

Все это делегаты Ясского совещания изложили в итоговой резолюции, где была подтверждена необходимость военной помощи антибольшевистским силам России со стороны держав Согласия, провозглашалось восстановление «единой и неделимой России» в довоенных границах. Однако сам ход совещания, начало которого фактически совпало с окончанием Первой мировой войны, продемонстрировал заметное охлаждение союзников к «русскому вопросу» и, как следствие, высветил будущую неопределенность его постановлений.

В этих условиях было решено направить в европейские столицы специальную делегацию, которая донесла бы до западных правительств выработанную резолюцию – «со строго определенной целью добиваться ускорения военного содействия союзников» (из журнала от 27 ноября, в Одессе). В состав делегации были избраны В. И. Гурко, К. Р. Кровопусков, П. Н. Миллюков, А. А. Титов, С. Н. Третьяков и Н. Н. Шебеко.

Некоторые участники Ясского совещания и «малой делегации», устремившейся в начале декабря в Европу, оставили свои любопытные записки. Кроме «секретаря делегации» М. А. Алданова о тех событиях по горячим следам или позднее писали И. И. Бунаков-Фундаминский, В. И. Гурко, М. С. Маргулис, П. Н. Миллюков, Н. В. Савич и др. Небольшую рукопись, основанную на дневниковых записях П. Н. Миллюкова, создал в 1958 г. и А. А. Титов (полученная от потомков, она хранится в нашем архиве). Ею мы воспользуемся к месту, когда герои повествования доберутся до конечной цели своей поездки – Лондона...

О начале «европейского» политического турне М. А. Алданов вспоминал: «Мы выехали из Одессы 3 декабря 1918 года на пароходе “Александр Михайлович”, который предоставило в распоряжение делегации одесское городское самоуправление. На пароход мы переселись поздно вечером 2 декабря. Человек пятнадцать общественных деятелей, имевших за собой обязательный путь 1918 года: Петер-

бург – Киев – Одесса, – явились в порт провожать делегацию. Это могло считаться подвигом; в ту пору в Одессе прогулка ночью из порта в центр города была приблизительно равносильна путешествию в старину по Брынским лесам. Впрочем, предполагалось, что и делегация подвергается опасности: Черное море кишело минами, а команда “Александра Михайловича” считалась неблагополучной по большевизму».

Путь в Лондон ясской делегации лежал через Константинополь, остров Лемнос, итальянский порт Таранто, Бари на Адриатическом побережье, Рим и Париж. На протяжении двадцати дней в мировых столицах, где делались остановки, происходили встречи с общественными, политическими и правительственными деятелями этих стран, инициировались совещания в русских посольствах. Опасения относительно потери интереса союзников к ситуации в России, которые были высказаны еще в Яссах, во время поездки подкреплялись новыми фактами почти на каждом шагу.

Очевидно, общее настроение – и левых, и правых участников делегации – сумел выразить В. И. Гурко: «Рухнувшая великая империя увлекла в своем катастрофическом падении весь тот авторитет, весь престиж, которыми дотоле обладали вне своих пределов Россия и русский народ. В лучшем случае являлись мы предметом обидного сожаления, да и оно оказывалось в виде милости. [...] В Риме наше национальное унижение не ощущалось, однако, так резко и так болезненно, как впоследствии при посещении Лондона, а в особенности Парижа. Здесь же посольство сумело сохранить еще до известной степени свое значение, и местное правительство продолжало, по-видимому, с ним считаться. Со стороны нашего посольства в Риме мы встретили приветливый прием».

Не менее любопытны римские впечатления М. А. Алданова: «Для делегации устроили обед в ресторане Маринезе. В ту пору жизнь в Риме еще подчинялась правилам военного положения: кофейни закрывались в одиннадцать часов вечера; хлеб, сахар, масло отпускались в ограниченном количестве по карточкам. Но, как везде, в Риме надо было знать слово, и его, очевидно, знали младшие служащие посольства. В тот день в ресторане Маринезе на столе в изобилии находилось все, чему полагается быть на банкете. Речи были полны надежд. Хорошо помню восторженное слово г. С-ва. “Через три месяца все мы, без различия партий, добро возьмем за дружную работу в новой, свободной России!”. Очень тяжело вспоминать теперь настроение тех далеких дней. Один из ораторов спрашивал: “Как же это могло случиться?” Помнится, А. А. Титов отвечал...».

Париж, в отличие от Рима, встретил делегацию «непривлекательно и хмуро». В. И. Гурко признавался: «Бесконечно хуже был прием, оказанный нам французским правительством и... нашим послом В. А. Маклаковым». Русский посланник при встрече с депутатией «заявил, что французское правительство в ярости от нашего прибытия», в особенности от приезда «изменника и германофила» П. Н. Миллюкова. Едва начавшись, миссия русской делегации в Париже захлебнулась, никто из официальных лиц с ней не пожелал свидеться.

Продолжение – на 4-й стр.

Как Марк Алданов и Александр Титов с Гербертом Уэллсом встречались

Продолжение. Начало – на 3-й стр.

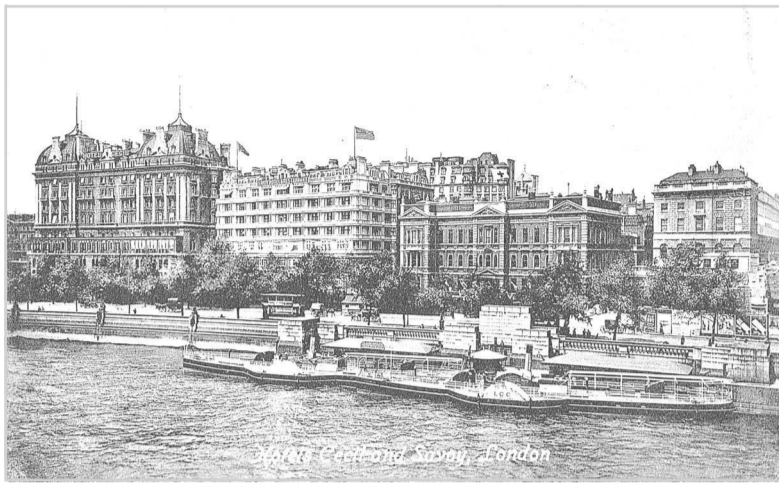
После единственного «бурного» заседания в посольстве делегация поспешила в туманный Альбион. Но все же прежде был сам Париж... А.А. Титов много лет спустя записал: «Те три-четыре дня, которые мы провели в Париже, были также заполнены впечатлениями о тамошней жизни. В Париже я не был около 10 лет, и многое за это время переменялось. Было достроено метро Nord-Sud. Почти исчезли фиакры, появилась масса taxi G 7, несколько новых линий трамвая и автобусов. Конечно, я устремился в Bon Marché, купил себе чемодан, всякого белья, галстуки, туалетные принадлежности».

Свои лондонские впечатления А.А. Титов также запечатлел: «В Лондон мы выехали 24-го декабря утром, приехали поздно вечером в Hotel Savoy – самую лучшую гостиницу Лондона. На следующее утро мы переехали в Cadogan Hotel – близ Русского посольства, где я поселился в одной комнате с Алдановым. Погода была морозная, угля было мало, и спальные не отапливались. Утром, в 8 часов, являлась прислуга с кувшином горячей воды для умывания, и поднимала оконную раму, чтоб «освежить»

комнату. Алданов совсем закрылся одеялом, а я мужественно вставал и опускал раму. Потом мы мылись, одевались и шли вниз пить чай (breakfast). К нам приходил по утрам и Милуков, – с прочими членами делегации он встречался лишь на завтраках, на которые нас усиленно приглашали».

Действительно, от приглашений не было отбоя, включая и посещение резиденции на Даунинг-стрит, 10. Правда, сам премьер-министр Ллойд Джордж в это время отсутствовал, уехав в Париж для «прелиминарных разговоров» союзников ввиду предстоящей мирной конференции по итогам мировой войны. Марк Алданов писал: «Англичане, независимо от направления, были чрезвычайно любезны и с большим вниманием слушали то, что им говорили делегаты. А.А. Титов, К.Р. Кропоткин и я побывали у людей, считавшихся особенно влиятельными в левом лагере, от Гендерсона до знаменитого романиста Уэллса».

Впервые о посещении Герберта Уэллса на пару с Александром Титовым Марк Алданов рассказал в публикуемой ниже статье 1921 г. Она была написана по горячим следам выхода в Великобритании книги ро-

Ил. 4. Лондонские отели Сесил и Савой. Почтовая открытка. Начало XX в.

маниста «Россия во мгле» и отклика на нее в русской эмигрантской печати. Свое отношение к писателю Алданов выхлестнул сквозь восприятие его книги, составленной с «большим сочувствием» к большевикам и их идейному вождю.

Этого, разумеется, ни Алданов, ни вся русская эмиграция принять не могли. Альтернативы большевикам Уэллс не видел: «Всякие авантюристы и им подобные гото-

вы с помощью европейских государств свергнуть большевистское правительство, но у них нет и намека на какую-нибудь общую цель и моральное единство, которые позволили бы им занять место большевиков». Ранее автор «Машины времени» рассуждал иначе, чему и оказались в январе 1919 г. свидетелями его гости – М.А. Алданов и А.А. Титов.

Время в человеческом измере-

нии лечит. Успокоенно, хотя и без иронии, Марк Алданов вспоминал о свидании со знаменитым английским романистом десятилетие спустя: «Уэллс был очень любезен, остроумен и блестящ. Но его чисто литературный подход к большевизму был слишком очевиден... Уэллс очень типичный литератор. Недаром он считает величайшим событием в мировой истории изобретение бумаги. К большевикам он относится враждебно, но, кажется, «отдает должное». [...] Уэллс съездил ненадолго в Россию и вывез оттуда книгу, которая ничего к его славе не прибавила. Она даже убавила бы славы Уэллсу, если б не было так ясно, что ему нет никакого дела до большевиков и до России вообще. Теперь все писатели куда-нибудь ездят в поисках темы: в Конго, в Абиссинию, в Ангору. Уэллс для этого съездил в голодающий Петербург. Это была удачная мысль. Десятки других писателей бросились за ним вдогонку. [...] Сказанное несколько не мешает Уэллсу быть чрезвычайно талантливым и обаятельным человеком. Разговор с ним остается одним из самых приятных воспоминаний за всю поездку».

Ярослав Смирнов

«Россия в тени». «Russia in the Shadows» Уэллса

– Еще об Уэллсе? Это становится скучно.

Так скажет читатель и будет отчасти прав. Долю вины перелагает с себя на барона Б.Э. Нольде, который несколько дней тому назад высказал новое суждение о нагнетавших очерках английского писателя. Если не ошибаюсь, Б.Э. Нольде – первый из критиков Уэллса, ознакомившийся с его русскими впечатлениями в полном их объеме, ибо книга, в которой они собраны, только что вышла в свет. Я ее приобрел, прочитав в № 205 «Последних новостей» чрезвычайно интересную, как всегда, статью талантливого публициста. Прежде, по выдержкам, которые приводились в печати, мне казалось, что и читать книгу Уэллса не стоит. Это было неверно; в ней есть несколько ценных мыслей и ряд интересных страниц. Тем не менее, с мнением Б.Э. Нольде позволю себе не согласиться.

«Книга Уэллса, – говорит русский критик, – написана не только огромным талантом, но с беспорочной внутренней добросовестностью. Уэллс, несомненно, чрезвычайно даровитый человек, и в его добросовестности я нимало не сомневаюсь. Но, каюсь, огромного таланта в его новом произведении я не вижу и не думаю, чтобы оно влечло свежие и прочные лавры в пестрый литературный венок этого впечатлительного, нервного, хотя и очень блестящего писателя».

Разумеется, Уэллс не большевик, и «Россия во мраке» несколько не большевистская книга. Обычное, неправильное представление видит в советской власти правительство неразборчивое, нечестное, но чрезвычайно хитрое. Уэллс держится противоположного и столь же неверного взгляда: Совет народных комиссаров, по его мнению, – правительство вполне честное и добродетельное, но чрезвычайно ограниченное. Собственно говоря, этот взгляд для большевиков гораздо обиднее ходячего о них представления. И, тем не менее, большевистская печать на Западе с восторгом приняла книгу Уэллса. «Мудрый Эдип, разрешши», – говорили в таких случаях передовики провинциальных газет.

Мудрому Эдипу, впрочем, было бы нетрудно разрешить данный вопрос – хотя бы простым подсчетом числа страниц в книге Уэллса, где он большевиков хвалит, и числа строчек, где он их ругает. Я этой статистикой заниматься не стану. Можно и нужно отметить, что поездка Уэллса по России была обставлена на чисто американский лад (прежние иностранные гости, от Флетчера до Кюстина, Гакстгаузена и Леруа-Болье, путешествовали совершенно иначе).

Фактические ошибки в книге «Россия во мраке», разумеется, падают на нее. Герой одного из старых романов Уэллса любил разговаривать о музыкантах, но вместо слова «Падеревский» у него неизменно выходило «Падрееские». Такие подозрительные «Падрееские» проскальзывают в новом политическом романе английского писателя. Но на них останавливаться не стоит, тем более что ряд бытовых сцен из русской жизни написан им верно и ярко. Добрая латинская поговорка запрещает также спорить о вкусах. Уэллсу, например, в России больше всего нравится большевик Зорин, к которому он чувствует «истинную дружбу», а меньше всего – «абсурдный» собор Василия Блаженного. Я видел г. Зорина, видел также церковь Василия Блаженного, и, насколько не споря о вкусах, не могу разделить восторга Б.Э. Нольде пред огромным талантом наблюдения, проявившимся в последней книге Уэллса.

И уж никак не считаю возможным согласиться с его весьма категорическим и общим суждением о русском эмигранте: «Уэллс, – замечает барон Нольде, – пишет в одном месте: «Русские эмигранты в Англии политически ничтожны (в подлиннике значительно сильнее: politically contemptible, М.А.). Они перепевают бесконечные истории «о большевистских зверствах»; поджоги помещичьих усадеб крестьянами, грабежи и убийства утративших подчинение солдат в городах, преступления на отдаленных улицах – они выдают все это за акты большевистского правительства. Спросите их, какое правительство они хотят на их место, и вы получите

пустые общие места – обычно приспособленные к тому, что собеседник считает вашим специальным политическим вкусом. Или они утомляют вас восхвалением очередного сверхдеятели: Деникина или Врангеля, который все устроит – Бог знает как. Они не заслуживают ничего лучшего, чем царь, и они даже неспособны решить, какого царя они хотят?». – «Эти слова жестоки, – добавляет Б.Э. Нольде, – и во многом совершенно несправедливы; но разве в них нет существенной доли правды?»

Эти слова, прежде всего, ни в какой мере не новы: мы их, слава Богу, второй год ежедневно читаем на столбцах газеты «L'Humanité». Они верны в применении к одной – не слишком влиятельной – части русской эмиграции; подаются же они Уэллсом, так же как Кашеном, в форме чрезвычайно широкого и смелого обобщения. Это о нас fabula narratur – и очень скверная fabula, и даже mutato nomine: мы все не знаем, чего хотим, и не заслуживаем ничего лучшего, чем царь, и чтобы скрыть собственное убожество, рассказываем бесконечные истории о каких-то большевистских зверствах. (Уэллс ставит, разумеется, последние слова в кавычки.)

По тону своему отрывок, приведенный бар. Б.Э. Нольде, несколько выделяется из книги английского путешественника. Она вообще поражает эпическим спокойствием стиля. Уэллс обо всем говорит совершенно одинаково: о том, что Петербург умирает с голоду и, вероятно, скоро вымрет; и о том, что госпожа Шаляпина не знает, какой фасон платья принят теперь на Западе («последние, полученные ею модные журналы, – замечает сочувственно Уэллс, – были от начала 1918 г. – вследствие блокады»). Хладнокровие совершенно покидает писателя лишь в оценке одной из сторон советской жизни. Именно его чрезвычайно раздражает Карл Маркс и особенно борода последнего, ныне красующаяся чуть ли не во всех присутственных местах и участках большевистской державы. Бороде Карла Макса отведены Уэллсом две – забавные и остроумные – страницы: он утверждает, что такая борода, явно мешающая работе, не могла вырасти у человека сама собой; владетель, очевидно, непрестанно и с любовью ее культивировал с тем, чтобы патриархально раскинуть на весь мир. Уэллс выражает даже страстное желание побрить знаменитого социалиста. Но, кроме бороды Карла Макса, английский писатель не нашел в Советской России никакого другого повода для выражения своего возмущения. К России несветской он значительно строже. Так на стр. 83 Уэллс с большим негодованием говорит о возможности у нас в будущем разбойничьего монархического правительства, которое неизбежно приведет страну к белому террору. А на стр. 68 он очень спокойно рассказывает, как в квартире Максима Горького дружелюбно слушал философско-политическую беседу «Бакаева» (очевидно, Бокия), «главы петербургской чрезвычайной комиссии»... Мы за последние годы видели всякие виды. Но более зловещего симптома падения моральной культуры, чем эта дружеская беседа двух знаменитых писателей с шефом Чрезвычайки, я что-то, признаюсь, не запомню.

Уэллс не всегда отличался такой терпимостью «налево». Было время, когда он величал английских социалистов карманчиками (pickpockets). В каком виде выведен, под прозрачным псевдонимом, Сидней Уэбб в книге Уэллса «Новый Макиавелли», об этом, пожалуй, лучше не вспоминать. Невольно себя спрашиваешь, откуда взялось у резкого и непочтительного по темпераменту писателя, посетившего и описавшего наудачу несколько камер советского ада, столь своеобразное отношение к хозяевам и устроителям последнего.

Года два тому назад А.А. Титов и пишущий эти строки имели в Лондоне разговор с Уэллсом. Автор «Бритинга» в то время чрезвычайно интересовался ходом гражданской войны в России; он притащил географическую карту, по которой А.А. Титов подробно описал ему линию прохождения фронта. Но тогда Уэллс был занят русскими событиями

главным образом с военной точки зрения. Нервно бегая по комнате, он развивал свои стратегические соображения: по его мнению, решающую роль в войне генерала «Динякина» с большевиками должны были сыграть аэропланы, – и Уэллс чрезвычайно подробно и наставительно это нам объяснял, хотя и мог знать, что мы люди штатские, ни к «Динякину», ни к большевикам непричастные и в деле воздушной войны мало осведомленные. Мы слушали стратегические указания Уэллса с тем же интересом, с каким толстовские мужики внимали советам Вово Звездичева – сеять возможно больше мяты. «Действительно... всякий плант можно сеять... можно сеять и мяту»... Можно употреблять и аэропланы.

Впрочем, военные указания английский романист давал не только нам. Из недавней книги о нем одного из его самых горячих поклонников (Гюйо) мы узнаем, что во время Великой войны Уэллс «обменялся несколькими идеями относительно ведения операций с генералами Жоффром и Кастельно, которые *выслушали его мысли с удовольствием*», – по выражению поклонника, где чистосердечие граничит с коварством. Нам, стало быть, сам Бог велел сделать то же самое. Мы, однако, попытались перевести разговор на темы философско-политические. Уэллс со свойственным ему неподдельным юмором объявил, что его политические взгляды зависят главным образом от состояния его печени (отсюда можно сделать вывод, что во время русской поездки Уэллса его печень была в самом лучшем состоянии); но, тем не менее, он высказался – и очень остроумно.

– Мы сейчас в Англии, – сказал он, – переживаем полосу крайней реакции. Его руководит, разумеется, Ллойд Джордж. Но через год или два у нас начнется полоса крайнего радикализма. Руководить им будет, разумеется, тоже Ллойд Джордж.

Я потому цитирую это (отчасти уже оправдавшееся) замечание блестящего писателя – из ряда других, не менее остроумных, – что, быть может, в нем высказан существенный мотив его нынешних настроений в вопросе о большевистской власти. Мы очень недовольны русской политикой Ллойда Джорджа. Быть может, у нас больше оснований быть недовольными его английской политикой. Ибо чувства, которые «колдун» (так в Англии называют нынешнего премьера) внушает большинству передовых англичан, таковы, что многие из последних готовы чувствовать симпатию даже к большевикам. Казалось бы, чем мы виноваты, что ими правит Ллойд Джордж?

Помню, незадолго до разговора с Уэллсом, мы с тем же А.А. Титовым и Я.О. Гавронским были в гостях у одного английского политического деятеля, – левого направления и весьма энергичного темперамента. Этот человек занимается политикой лет сорок, по рождению принадлежит к правящим кругам Англии и знает всех ее политических деятелей, можно сказать, наизусть. Нисколько не стесняясь в выражениях, несмотря на присутствие иностранцев, он дал такую сочную характеристику Ллойд Джорджу, что ее, пожалуй, и в печати огласить было бы неудобно: заодно коснулся и ближайших сотрудников премьера.

– Подобных политических деятелей, – сказал он, – у нас не было с тех пор, как существует Англия. Во всем этом кабинете только и есть один порядочный человек – Бальфур. Он – лентяй и скептик, как все Сесили, but hi is a gentleman, – он джентльмен. А остальные...

Дальше опять следовали сочные выражения. В сущности, мы должны были пожелать, чтобы Ллойд Джордж совершенно подружился с большевиками. Может быть, после этого антибольшевистские демократические идеи станут популярными в передовых кругах Англии. Тогда Уэллс начнет вновь писать прекрасные романы, чему все почитатели этого талантливого человека будут, разумеется, искренне рады. А Бернард Шоу, конечно, не замедлит сделаться монархистом.

М. Алданов

Последние новости (Париж). 1921. 6 января. № 218

Поречский священник-изобретатель Алексей Голосов

В своем небольшом историческом экскурсе о культуре цикория в России И. И. Хранилов сообщал, что обработкой этой культуры в конце XVIII в. занимался немец Гакман, имевший в Выборге распаху для цикория. Он изготовлял из этого корня молотый кофе, который продавал в бумажных трубочках в Петербурге и других городах. Спрос на цикорий кофе был тогда невелик. Поречский крестьянин И. Б. Золотухин, работая долгое время у Гакмана, усвоил основные операции по выращиванию и обработке цикория: как сеять, драть, мыть и рубить, сушить и обжигать, молоть и набивать в трубочки. Огородник вернулся в Поречье с намерением развернуть промысел дома, «захватив с собой фунтов пяток семян».

В «Своде выданных в России привилегий» в числе первых патентов был опубликован документ, носящий название «Привилегия 1815 года, выданная Ярославской губернии села Поречья-Рыбного священнику Алексею Голосову на изобретенную им машину для набивания картузов цикорным кофе». В 1818 г. привилегия была опубликована Министерством внутренних дел отдельным отписком. Рассмотрим данный любопытный документ.

29 сентября 1815 г. священник села Поречья-Рыбного Алексей Голосов подал в МВД прошение о выдаче ему привилегии (патента) на изобретенную им «машину» для набивания «картузов» (бумажных трубочек) цикорным кофе, утверждая, что прежде него никто в России такого способа не использовал. Изобретатель просил выдать ему привилегию на исключительное право пользования изобретением в течение трех лет.

«Машина» состояла из нескольких частей. Во-первых, ящик из двух досок – нижней и верхней, в которых имелось определенное количество отверстий. В первой – цилиндрической формы, а в последней – отрезного конуса. Размер отверстий был точно рассчитан под установку кар-

тузов для набивки цикорным кофе.

Во-вторых, доска с трех сторон имела бортик и такое же количество отверстий, как и верхняя доска ящика, но несколько уже. В эти отверстия плотно вставлялись жестяные трубки, выдававшиеся на одну треть вершка под доской. Таким образом, при наложении этой доски на ящик, трубки входили на одну треть вершка внутрь картузов, вложенных в отверстия ящика. Доска накладывалась на верхнюю доску ящика, и когда сверху насыпали цикорную муку, последняя, попадая в отверстия, наполняла картузы и жестяные трубки до верха, то есть в уровень с доской.

Третья часть «машины» представляла собой деревянные пестики для набивания картузов, укрепленные в одной вязке таким образом, что концы пестиков точно соответствовали отверстиям вышеупомянутых накладной доски и ящика. Четвертая составляющая – станок с бортиками по всей длине, на который устанавливалась вся конструкция. Посредством «машины» (при установке двух ящиков для перемены картузов) один работник насыпал и набивал картузы, а второй – «мальчик» – вставлял их в ящик. Оба они ежедневно могли набить до 6000 четвертных картузов, это было эквивалентно около 40 пудов цикорного кофе.

Полезность рассмотренного устройства, по мнению изобретателя, состояла в следующем: во-первых, сокращалось время и число работников; теперь два человека могли делать то, что прежде при ручной набивке выполняли десять работников. Хозяин вместо 100 рублей на 10 работников мог издерживать только 20 рублей на двоих в неделю. А с каждым 100 пудов цикория экономить 32 рубля, выплачивая вознаграждения вместо 40 рублей только 8. Во-вторых, при «машинном» способе картузы не прорывались, обеспечивая заметную экономию цикория.

Для более основательного пояснения священник Голосов представил подробное описание «машины»

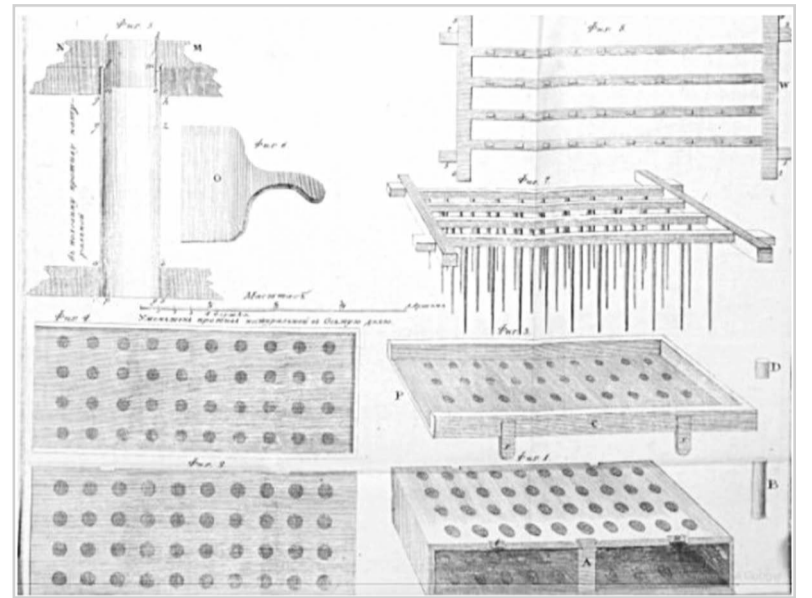
и всего процесса производства, к чему приложил два рисунка (один из них здесь публикуется, ил. 1). Подлинник описания с рисунками поступил на хранение в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел.

Глава министерства, найдя, что подобной привилегии прежде никому выдано не было, и признавая изобретение для хозяйствования весьма полезным, представил прошение священника А. Голосова Государственному совету. Его решением от 1 мая 1816 г., удостоенным Высочайшего утверждения, положено было дать изобретателю просимую привилегию.

Согласно положению Государственного совета и на основании Высочайшего манифеста от 17 июня 1812 г., министр внутренних дел выдал просимую привилегию священнику Алексею Голосову. Свое изобретение ему позволялось производить и использовать, продавать и дарить, отдавать в залог и наследникам как его собственность, пользоваться данным правом исключительно во всех российских губерниях и областях в течение трех лет. Государственная пошлина в размере 300 рублей была с изобретателя получена. Привилегия 12 мая 1817 г. была скреплена подписью министра и печатью Министерства внутренних дел.

На подлиннике значится: «Его Императорского Величества Всемилостивейшего Государя моего Тайный Советник, Государственного Совета Член, Сенатор, Министр Внутренних дел и Орденов Св. Александра Невского, Св. Анны I класса и Св. Владимира 3 степени Кавалер и Св. Иоанна Иерусалимского Командор, Осип Козодавлев В. Печатью скрепил: Директор Департамента Степан Джунковский».

При этом к утвержденной привилегии был приложен печатный экземпляр Высочайшего манифеста от 17 июня 1812 г. «О привилегиях». Копию привилегии представили Пра-

Ил. 1. «Машина для набивания картузов цикорным кофе», изобретенная священником А. А. Голосовым. Из «Свода выданных в России привилегий». 1818 г.

вительствующему Сенату при рапорте от 18 мая 1817 г.

В настоящее время точно неизвестно, было ли изобретение священника Алексея Голосова внедрено в производство на крестьянских цикорных заводах Поречья-Рыбного. Данные об упаковочных машинах появляются в литературе только во второй половине XIX в. Обновление этих сведений связано с деятельностью ростовских краеведов и сбором соответствующей статистики.

Биографические данные о священнике Алексее Голосове отложились в ряде источников: к лировых рапортах, материалах Московской домовой конторы графа В. Г. Орлова, Ростовского уездного земского суда и др. Алексей Александрович Голосов (1774–?) был переведен священником в село Поречье-Рыбное из Иоанно-Предтечевской церкви города Ростова в 1800 г. О жене его данных нет. Дети: сын Александр (1794–?), с 1806 г. обучался в Ярославской

духовной семинарии. Второй сын Иван Предтечевский (1798–1859), с 1807 г. обучался в Ростовском духовном училище. В Поречье-Рыбном Алексей Голосов прослужил священником около 20 лет.

В целом священство этого села стояло на высоте событий своего времени. Отец Алексей Голосов более 10 лет прослужил в Поречье-Рыбном вместе с отцом Иоанном Поречком – будущим знаменитым архимандритом Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря Иннокентием. После ухода Иоанна в монастырь и постижения в монахи в 1813 г. отец Алексей стал в селе первым священником.

Таким образом, в крупном торговом селе Поречье-Рыбном, где в конце XVIII в. приняты большие размах выращивания и переработка цикория, изобретение местного священника отца Алексея Голосова стало естественным шагом в развитии сельского хозяйства.

Александр Морозов

Ростовская финифтяная школа в 1924 году

В филиале Государственного архива Ярославской области в г. Ростове в фонде Уездного отдела народного образования (УОНО) Ростовского уездного исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ф. Р-144) хранится дело под заголовком: «Годовые информационные и статистические отчеты о работе отдела и подведомственных учреждений за 1923–1924 годы» (д. 418). В его составе имеется отчет Ростовской финифтяной учебно-показательной мастерской за первый квартал 1924 г.

Обстоятельства написания документа следующие. 27 марта 1924 г. из общего отдела УОНО А. И. Звонилкину (ил. 1) было направлено письмо за № 2991 с указанием предоставить отчет о деятельности финифтяной мастерской. Подробный отчет за подписью заведующего мастерской А. И. Звонилкина и делопроизводителя В. А. Котковой 2 апреля 1924 г. при отношении за № 35 был выслан в отдел.

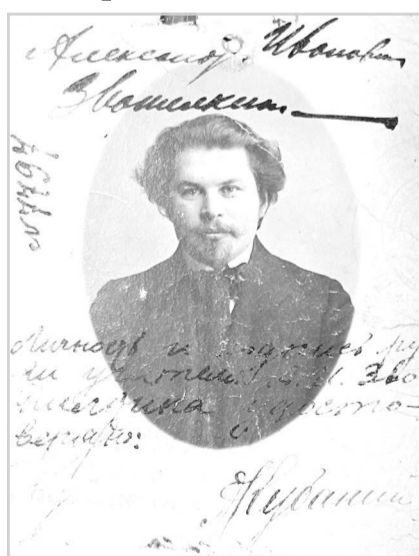
Документ публикуется в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации.

Константин Степанов

1924 г., апреля 2. – Отчет о работе Ростовской художественной финифтяно-ювелирной учебно-показательной мастерской за первый квартал 1924 г.

(л. 97) Информационный отчет деятельности Финифтяной учебно-показательной мастерской с 1-го января по 1-е апреля с/г.

1). Ростовская финифтяная учебно-показательная мастерская связана с местными

Ил. 1. Александр Иванович Звонилкин (1883–1938), заведующий Ростовской художественной финифтяно-ювелирной учебно-показательной мастерской (1919–1931). Фото, 1910-е гг. Благодарю В. Ф. Пак за предоставленный к публикации фотодокумент

хозорганами и профсоюзам в настоящее время имеет весьма мало, т. к., находясь на госбюджете в ведении кулстпромсекции ВСНХ, получая непосредственно сметные ассигнования из Г. Э. У. (Главное эконом. управление) ВСНХ в Москве и сдает всю отчетность по учебной и финансовой части по означенному адресу учреждения, в ведении коего состоит Ростовская финифтяная

учебно-показательная мастерская, копии посылаются в Губпрофобр. От местных организаций мастер[ская] никакими пособиями не пользуется. А как ремесленная мастерская имеет целью подготовку специалистов по финифтяной живописи чисто местного кустарного производства Ростовского края, а также и переход этого производства от религиозного на ювелирно-гражданский, то участие профсоюза пока выражается в том, что работающие в производственной мастерской живописцы по финифти состоят членами Ростовского отделения Всерабаса.

2). Ростовская финифтяная учебно-показательная мастерская, как чисто ремесленное учреждение, имеет своей задачей научить кустарей-ремесленников в совершенстве понимать финифтяную живопись и развить их художественное чутье, потому все занятия ведутся только по изучению и практическим навыкам означенного ремесла, почему состав учащихся весьма (л. 97 об.) небольшой, в 21 человека, с подготовкой по общеобразовательным предметам в объеме курса 1-ой ступени, и состоит преимущественно из детей ремесленников, которым нет возможности продолжать свое образование в других школах высшего

типа и имеющих продолжительный курс. Финифтяно-живописная мастерская имеет 3-годовалый курс обучения, а для более одаренных способностями к живописи возможность заработка наступает ранее означенного срока по выполнению работ в производственной мастерской, изделия которой сдаются в подведомственные ВСНХ

учреждения и магазины, согласно устава и инструкции Г. Э. У. Занятия ведутся ежедневно с 10 час. до 3-х часов дня и разделяются на теоретические – в области изучения рисунка, правил и законов живописи по финифти и практическое рисование, как основной предмет всех видов – с натуры, с оригиналов, собственное творчество, работа красками и практические работы по финифтяной живописи, и изучение всех технических условий данного ремесла. Других научных дисциплин в финифтяной мастерской не проходит. Личный состав состоит из 3-х человек: – заведующий, он же руководитель художественной частью, инструктор-руководитель по финифтяной живописи и делопроизводитель, на те же суммы приходится вести всю хозяйственную и материальную часть по содержанию школы-мастерской. Источники от производственной мастерской пока не имеется, т. к. ее работа ведется только с октября м[еся]ца 1923 г. и развернута в достаточной мере новое дело, пока можно только в размерах обеспечения сырьем и зарплата мастерам.

3). Производственная деятельность мастерской выражается в работах – живописно-финифтяных изделиях, – преимущественно брошек, каковые опривалены ювелирами сдаются в (л. 98) кустарный магазин при музее ВСНХ в Москве и др. магазины по калькуляционным ценам себестоимости с начислением на оборотный фонд. Материалы производства (сырье) в виду исключительно ростовского происхождения финифтяной живописи достаются с большим затруднением и в малом количестве, и задача производственной мастерской – выделять необходимые материалы на учебную часть мастерской, где при бесплатном обуче-

нии учащиеся пользуются и бесплатным материалом.

В производственной мастерской работает 7 мастеров-финифтяников, окончивших означенную мастерскую и являющихся членами Союза Всерабаса. Их работы являются показательными для учащихся и идут на сбыт для увеличения средств школы, согласно декрета С. Н. К. от 6-го марта 1923 г.

4). Согласно уставу в мастерскую принимаются учащиеся обоего пола, грамотные и имеющие способности к живописи. Преимущество детям ремесленников и беднейшей населения, что фактически осуществлено.

5). Преподаватель[ско]го персонала два человека: руководитель по художественной части, он же заведующий, и инструктор по финифтяной живописи.

6). Метод, как узко-ремесленной мастерской, преимущественно практический, теоретический только по изучению данного ремесла. Возможно, профобр окажет содействие в присылке средств на более расширенный метод обучения.

7). В дальнейшем желательно, чтобы на помощь означенной мастерской, в дополнение отпускаемым средствам кулст[арн]ого отдела ВСНХ, профобр изыскал пути субсидирования весьма ценного производственного расщедника финифтяной живописи и тем самым дать возможность развиться кустарному живописно-ювелирному производству (л. 98 об.) Ростовского края.

Заведующий мастерской живописи по финифти А. Звонилкин.

Делопроизводитель: В. Коткова.
РФ ГАЯО. Ф. Р-144. Оп. 1.
Д. 418. Л. 97–98 об.

По страницам газеты «Северный край»

О зимних «достопримечательностях» старого Ростова

В начале XX в. корреспондент «Северного края» не без иронии писал: «Ростов замечателен множеством церквей, своим древним крестом с Успенским собором, окруженным каменной оградой и земляным двухрядовым валом, с протекавшей между валами когда-то рекою Пигой, ныне совершенно заросшей или местами превратившейся в канаву; замечателен огромной площадью, отделяющей кремль от города, замечательны уродливыми городскими торговыми каменными рядами, дающими, несмотря на свою уродливость и малую приспособленность, довольно хороший городу доход; не менее замечателен пустыющим каменным мытным двором, который когда-то представлял из себя центр ярмарочной торговли, а ныне превращен в склады солдатской и конской амуниции и торговые кладовые местных купцов, которые, по свойственно каждому купцу мании к грошевичеству, платят городу за торговые склады на мытном дворе в год от 10 до 20 руб. за палатку! Городское самоуправление охотно сдает палатки и за эту цену, лишь бы они не пустовали» (№ 19 от 21.01.1902).

Журналисты обращались к освещению проблем, которые волновали ростовских «обывателей», критиковали «неприглядные» стороны его

устройства и повседневной жизни. Часто на страницах газеты обращали внимание на состояние городских улиц и дорог. Торговец из Риги, однажды посетивший Ростов, жаловался: «Такую жестокую и мучительную казнь, как езда по вашим мостовым, трудно подыскать... Нераскаленный злодей и тот исправится, если бы только испытал езд по ростовским мостовым в течение трех дней, а через неделю я не поручился бы за его жизнь...» (№ 243 от 15.08.1899).

Корреспондент сообщал, что ростовцы привыкли к своим мостовым и предлагал местному музею «сохранить кусочек этой замечательной мостовой»: «Отдаленные потомки будут, по крайней мере, знать и иметь наглядное понятие еще об одном орудии пыток, употреблявшемся в Ростове» (№ 243 от 15.08.1899). Данную заметку иллюстрировали описанием городских улиц и дорог: «Снежная зима превратила улицы Ростова в нечто невообразимое, дороги – ухаб на ухабе... то сани нырнут в снег, то взлетит на какой-то гребень, чтобы с него вновь упасть в яму. Около домов, близ тротуаров, устроены из снега брустверы. Самые тротуары напоминают траншеи с тою только разницей, что в известных нам траншеях тропочки совершенно ровные, а у нас они по-

хожи на хребет голодной лошади» (№ 10 от 12.01.1902); «всюду на улицах, не исключая и кремля, лежит толстый

ледяных «горбов» привлекались арестантские роты: «Если где по требованию полиции лед скалывается,

еще прибавить непролазную грязь наполовину замощенных улиц, громадную дистанцию чуть мигающих фонарей, которые к тому же теперь не зажигаются, то пройти вечером по улицам сопряжено с большим риском» (№ 109 от 26.04.1900).

Такая картина дополнялась заметками о неудовлетворительном состоянии дорожного сообщения между Ростовом и уездом: зимой «дороги... совершенно испорчены, и подвоза продуктов, особенно дров, мало» (№ 10 от 12.01.1902); весной «зимний путь день ото дня разрушается все более. Все ручьи наполнены и превратились в реки. В городе езда затруднительная: ни на полозьях, ни на колесах... Ближайшие к городу жители бьются еще на базарах, пробираясь кое-как пешком. Воды везде много» (№ 77 от 23.03.1902).

По таким дорогам ездили лихие извозчики и «катающиеся по праздникам» собственники лошадей, что также не осталось без внимания ростовских корреспондентов «Северного края», требовавших прекратить «безобразную» езд по городу: «Из улиц делают какие-то ипподромы с резвостью на ход. Иногда нет возможности перейти улицу, не рискуя быть задавленным или сшибленным с ног несущейся вереницею лошадей, владельцы которых ста-

раются лишь об одном, чтобы как-нибудь обогнать конкурента» (№ 23 от 25.01.1902).

На страницах газеты неоднократно печатались сообщения о несчастных случаях, происходивших по вине «лошадных лихачей». Так, в январе 1902 г. извозчик совершил наезд на ростовца, у которого позднее, во время осмотра в больнице, был обнаружен перелом ребер (№ 23 от 25.01.1902). В марте того же года житель города был задавлен насмерть: «Какой-то безобразник гнал во всю мочь лошадь, сшиб плотника с ног, лошадь подмяла его под себя, затем по голове несчастного проскочили железные полозья санок. Саврас скрылся, сделав свое безобразное дело, а искалеченный человек остался в бесчувственном состоянии лежать на мостовой» (№ 77 от 23.03.1902).

В заключение следует сказать, что корреспонденты «Северного края», описывая «достопримечательности» Ростова рубежа XIX–XX вв., неоднократно звали к «отдаленным» потомкам с просьбой оценить плохое состояние, в котором находился город в это время, и не допустить подобного в будущем. Как современные жители Ростова ответили бы на эти обращения? Вопрос, скорее, риторический.

Алексей Киселев

Ил. 1. Художник И. А. Сакуров. «По Покровской (Московской) улице Ростова. Путь в Яковлевский монастырь». Иллюстрация из издания музея-заповедника «Ростовский кремль» – книги Я. Е. Смирнова «Ярославль и Ростов Великий глазами балканского путешественника. 1892» (Ярославль; Ростов Великий, 2018)

слой льда, превращающегося затем в груды грязи и навоза» (№ 109 от 26.04.1900).

Известно, что часто в конце XIX – начале XX в. для расчистки дорог и скалывания

то от этого не делается лучше: там, где нетронутый лед лежал в четверть толщины, сколотый, превращенный в глыбы, образует пласты толщиной в аршин. Если к этому

Забытая заметка о Сарском городище

Одну из самых известных археологических коллекций Ростовского музея составляют находки из раскопок Сарского городища (1924–1925, 1929–1930 гг.). Сарское городище было одним из уникальных памятников археологии Ярославской области. Здесь в VIII–X вв. находился центр финно-угорского племени меря – предшественник города Ростова.

Третий зал исторической экспозиции музея-заповедника «Ростовский кремль» почти полностью основан на материалах раскопок этого памятника. К сожалению, городище было полностью уничтожено в 1929–1930 гг. карьером по добыче гравия. Надо отметить, что первые серьезные разрушения на объекте были произведены около 1836 г., когда строилось шоссе Москва – Ярославль.

Любая дополнительная информация о памятнике имеет большое значение. В «Отечественных записках» за 1854 г. нами обнаружена краткая заметка о городище, которая выпала из научного оборота и оказалась забытой. Напечатана она в отделе № 6 «События в Отечестве». Заголовок «Археологические открытия в Переславле Залесском и Сарском городище» размещен не перед текстом, а в начале отдела. Имеющаяся здесь сноска поясняет, что отдел составлен на основе публикаций в периодических изданиях.

Автором источника был, вне сомнения, П. С. Савельев – руководитель раскопок в Переславском уезде Владимирской губернии и Ростовском уезде Ярославской губернии. Заметка была составлена в конце 1853 или начале 1854 г., когда работы в Переславле и его уезде были завершены, а в Ростовском уезде еще не начаты (они состоялись в 1854 г.). Таким образом, заметка П. С. Савельева известна только в пересказе, авторский текст отыскать пока не удалось.

Процитируем полностью фрагмент, относящийся к городищу:

«На приглашение г. Савельева доставлять ему сведения о курганах и городищах Ярославской и Владимирской губерний (напечатанное в тамошних ведомостях) купец Бояркин (Вознесенского Посада, Шуйского уезда) доставил г. Савельеву следующее известие о городище, находящемся на реке Саре, близ села Дебол, Ростовского уезда: «И быша на городище на реце Саре (князь) Константинъ съ ростовий крестъ целоваша». «Так говорит летописец (см. И. Г. Р. т. III, прим. 161 (имеется в виду «История государства Российского» Н. М. Карамзина. – А. К.)). Лет за тридцать пред сим я неоднократно посещал это древнее, весьма замечательное земляное сооружение, с трех

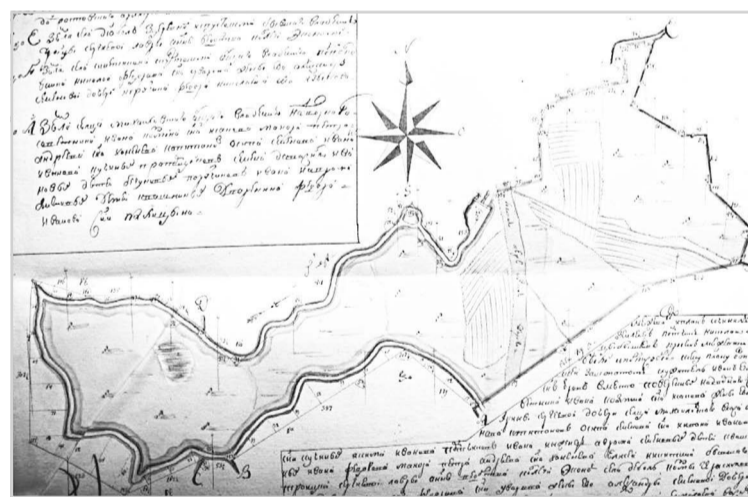
сторон окруженное рекою Сарою. Оно находится близ большой дороги из Переславля в Ростов. Отправясь и проехавши Петровск, не доезжая версты две до села Дебол, надобно свернуть налево по маленькой дорожке, которая вероятно и ныне есть. Городище это крестьяне называют Городцами. Там, во время бытности моей, собиралось большое гулянье в день Св. Троицы. Впоследствии слышал я с большим прискорбием, что это величественное городище, прекрасный памятник древности, частью разрушено, потому что из него брали землю для устройства шоссе» (№ 109 от 26.04.1900).

Данный текст важен по нескольким основаниям. Во-первых, он дает дополнительные сведения о Н. Бояркине, опубликовавшем первые сведения о городище в «Вестнике Европы» в 1820 г. Во-вторых, показывает передачу информации от Н. Бояркина к П. С. Савельеву. В-третьих, сообщает о некоем «собирателе древностей в Ростове».

Рассмотрим подробнее эти сведения. Статья Н. Бояркина 1820 г. оказалась очень важной, так как ее автор стал городище в неповрежденном виде. Многие археологи впоследствии ссылались на заметку Н. Бояркина, но всегда указывали его неполные инициалы, ибо так подписался сам автор, а других сведений о нем найти, видимо, не удалось. Указание на его социальный статус и Вознесенский Посад Шуйского уезда (ныне – г. Иваново) является ключом к идентификации автора. Поиск по синодику Вознесенского храма, составленному Введенским женским монастырем Иваново-Вознесенской епархии в 2016 г. на основе метрических книг, дал следующий результат: «Бояркин Николай Иванович, 2 гильдии купец Вознесенского посада †12.03.1865 (75 лет)».

В Ивановском историко-краеведческом музее хранится ревизская сказка 1857 г. купца третьей гильдии «Николая Иванова Бояркина» (ИОКМ 3181). Отметим, что фамилия «Бояркин» не является распространенной, таким образом, можно уверенно говорить, что перед нами искомым Бояркин – автор первой публикации о Сарском городище. Получается, что он родился в 1790 г., а заметку о Сарском городище опубликовал, когда ему было 30 лет. По другим данным, которые необходимо проверить, Н. И. Бояркин имел ростовское происхождение.

Музейная археология

Ил. 1. Излучина реки Гды (современное название – Сара): а – на плане Генерального межевания 1772 г.; б – в межевом атласе А. И. Менде 1857 г.

Продолжение – на 7-й стр.

Неопубликованный доклад Н. Н. Воронина о древнейшем прошлом Ростова (1958 г.)

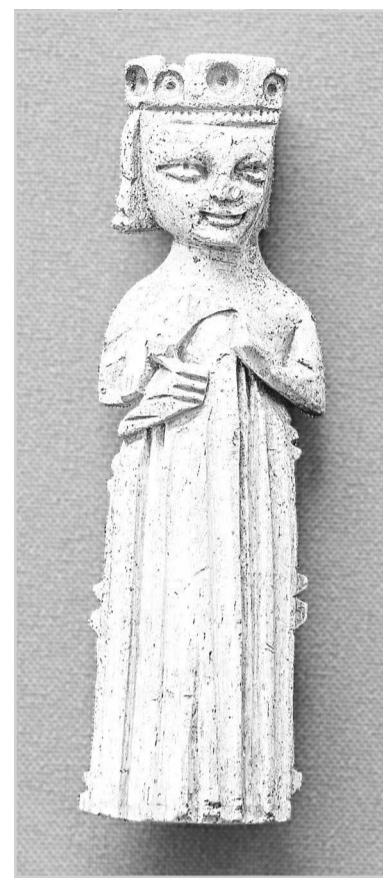
Окончание. Начало в «Ростовской старине», № 20 (189), № 21 (190), № 22 (191)

В публикуемой заключительной части доклада Н. Н. Воронин описывает политические события в Северо-Восточной Руси с 1174 по 1238 г., связанные с Ростовом. К данным летописей он добавляет информацию, полученную археологом в ходе раскопок в Ростове в 1954–1955 гг. Именно благодаря археологическим исследованиям Н. Н. Воронина в 1955 г. были выявлены остатки церкви Бориса и Глеба, построенной при князе Константине в 1214–1218 гг. Оказалось, что ее

строили не из белого камня, как Успенский собор, а из плинфы (кирпича особого формата). В докладе Н. Н. Воронин упоминает произведения искусства домонгольского времени, увиденные им в Успенском соборе или музейных коллекциях: ручки от дверей Успенского собора, резных белокаменных львов (ил. 1), костяную женскую фигурку (ил. 2), которую он считал накладкой от ларца-реликвария. Однако в 1993 г. археолог из МГУ Е. А. Рыбина, анализируя схожую новгородскую находку

с привлечением западно-европейских аналогий, установила, что это рукоять ножа. Более того, аналогии показывают, что в районе рук женщины (там, где у ростовской находки скол) вырезан сокол. Несомненно, что ножом, украшенным такой рукоятью, пользовались только знатные люди. Белокаменные львы и рукоять ножа в настоящее время представлены в исторической экспозиции музея-заповедника «Ростовский кремль».

Алексей Каретников, Вера Каретникова

Ил. 2. Рукоять ножа в виде женской фигурки. Западная Европа, XIII–XIV вв. ГМЗРК

Древнейшее прошлое Ростова X–XIII век[ов]

(л. 14) В напряженной политической борьбе, которую вел Андрей Боголюбский за возвышение Владимирской Руси, за приоритет Владимира над Ростовом, мы не раз ощущаем упорное сопротивление и мстительную руку ростовского боярства и связанного с ним епископа Леона. При их участии был сорван план Андрея создать независимо от Киева Владимирскую епископию, и был низвергнут и казнен митрополитом ставленник Андрея на Владимирскую кафедру епископ Федор. Боярский заговор об убийстве Андрея в 1174 году был явно связан с ростовской инициативой. Сразу же после гибели Андрея ростовские бояре в союзе с Рязанским князем Глебом попытались посадить на княжение своих ставленников, племянников Андрея Ростислава и Ярополка, но здесь попытка боярской знати восстановить свое господство встретила упорное сопротивление владимирских горожан, которые выдержали семинедельную осаду Владимира ростовско-рязанскими полками, а Владимирский престол занял в 1177 году брат Андрея, выдающийся политический деятель – Всеволод Третий. Ему сразу же пришлось вступить в войну с ростовско-рязанской коалицией. Ростовская боярская рать была на голову разбита на Юрьевом поле. «Быть сеча зла, ака же не бывала николи же в Ростовской земле» – отметил летописец. В битве пали видные представители ростовского боярства, остальные (л. 15) виднейшие представители ростовского боярства попали в плен, а их владения были конфискованы. Военачальник разбитых ростовских сил князь Мстислав Ростиславич бежал в Рязань и поднял на войну рязанского князя Глеба, который успел сжечь Москву, но потерпел жестокий разгром владимирской ратью в битве на Пруссовой горе; сам Глеб и его бояре были приведены в оковах во Владимир. После этих двух ударов 1174 года ростовская знать долго не могла оправиться. Брала решительный перевес новая прогрессивная сила – горожане

Владимирской земли, поддерживавшие сильную княжескую власть, которая могла сдерживать феодальную стихию и произвол аристократии. Сам Всеволод был в Ростове в 1190 г. для отправления суда и сбора княжских доходов. Летописец отметил, что Всеволод вершил «суд истинен и нелицемерен, не обинуя лица сильных своих бояр обидящих меньших, и работящих сироты и насилые творящих». Однако ростовское боярство не сложило оружия и вновь подняло голову, как только умер Всеволод III, оставивший сыну своему Юрию столицу Владимира, а Константину – Ростов. Этот раздел использовала ростовская знать, стремившаяся восстановить господство Ростова. Сначала в 1214 г. Константин добился поставления самостоятельного епископа в Ростов, чем было расколото церковное единство земли. Внутренняя борьба, кипевшая во Владимирском княжестве, осложнилась вмешательством Новгорода, который стремился сбросить зависимость от владимирской гегемонии. Князь Мстислав двинул против Юрия огромную рать новгородских, псковских и смоленских полков, к которым присоединилось ростовское боярское ополчение. Это определило решающий перевес ростовских сил, хотя владимирцы «вышли все на бой и до купца, и до пашенного человека». Это была решительная схватка сил старого и нового, сил феодальной раздробленности и сил объединения земли. Летописец и подметил необыч(л. 16) ный смысл этой битвы 1216 года на липецком поле под Юрьевом: «и поидоша дети на отцов... и рабы на господинов». Владимирские князья давали войскам приказ истреблять на поле боя ростовскую знать, чтобы «не оставить ни одного жива». Однако битва принесла победу Константину и его союзникам. Ростов ненадолго обрел самостоятельность и политическое главенство. Но через два года, в 1218 году, боярский князь Константин умер, и на Владимирском престоле снова сел Юрий. Его поддерживал брат Ярослав, владевший Переславлем

Залесским, Дмитровом, Тверью и др. городами. Попытка ростовского епископа Кирилла 1-го расколоть единство братьев стоила ему кафедры, – Ярослав осудил его и конфисковал все его богатства, а Ростовскую епископию возгласил игумен Владимирского Рождественского монастыря Кирилл второй. Ростовский князь Василько Константинович не выходил из великокняжеской или Юрия. К 20–30 годам 13-го века относится большой подъем строительства в Ростове, начатого князем Константином и завершенного епископом Кириллом 2-м. В 1213–1231 гг. на месте разрушенного Успенского собора был воздвигнут новый, столь же обширный храм. Остатки его белокаменных стен так же открыты нашими раскопками под стенами существующего собора. Особенно интересно, что в этом здании получил начало особый прием убранства фасадов резным орнаментальным поясом, воспринятый и развитый в 14–15 веках зодчими Москвы. По словам летописи, епископ Кирилл 2-й с исключительной роскошью убрал храм драгоценной утварью и тканями, и поставил «двери прекрасны иже наричутся златые». От этих «златых врат», изготовленных мастерами епископа Кирилла, сохранились лишь две ручки в виде литых из меди звериных морд, зажавших в пасти массивные кольца, которые доныне украшают западные двери ростовского со(л. 17) бора. Подобные же маски есть на сохранившихся целиком древних дверях Суздальского собора, и у нас нет сомнения, что и ростовский храм имел такие же двери. Эти торжественные врата, окованные листами меди, покрытой желтовато-черным составом, на бархатистом фоне которого четко выступает тончайший золотой рисунок священных изображений или фантастических зверей. Подобные врата казались тяжелой золототканой парчовой завесой, покрывающей обрамленные тесаным камнем входы в собор. Очень сложная техника подобных врат и высокое художественное совершенство

рисунка говорит о большом мастерстве ювелиров, или, как их тогда называли, «златокузнецов» епископа Кирилла.

Ростовские строители 13-го века были, несомненно, хорошо знакомы и с резьбой по камню и украшали свои постройки скульптурными изображениями различных дверей и чудищ, как это делали их собратья – зодчие соборов в Суздале и Юрьеве-Польском. Возможно, к этой поре принадлежат белокаменные изваяния двух лежащих львов [л. 1], найденные при разборке загородной церкви Константина и Елены (около станции ж. д.) и хранящиеся ныне в Ростовском музее.

Примечательной вещью, характеризующей культуру Ростова 12–13 веков, является найденная при рытье огорода около церкви Григория Богослова костяная рельефная фигурка [ил. 2], происходящая из состава резного убора дорогого ларца, изготовленного, скорее всего, в мастерских далекого Кельна. Она свидетельствует о том, что в княжеских и церковных сокровищницах той поры были произведения искусства далеких стран, расширявшие художественный кругозор российских мастеров и обогащавших их знания.

Одновременно с постройкой собора в 1214–1230 гг. князь Константин соорудил дворцовую церковь Бориса и Глеба на своем дворе в устье Пижермы. Этот второй древнейший памятник ростовской архитектуры не дошел до нас. Однако раскопки вала около Борисоглебских ворот при выходе к озеру обнаружили следы ее (л. 18) развалин. Как оказалось, это здание, в отличие от белокаменного собора, было сложено из тонкого кирпича – плинфы и не уступало собору в богатстве отделки; храм имел такие же цветные полы из глазурованных плиток.

В пору своего недолгого политического подъема Ростов становится центром большой литературной работы. Епископ Кирилл 1-й был, по свидетельству летописи, так богат книгами, как ни один из его предшественников. При его дворе работала целая мастерская по переписке книг. На одной сохранилась запись ростовских писцов Иоанна и Алексея об изготовлении ими этой рукописи в 1219 году. Некоторые дошедшие до нас рукописи епископской библиотеки свидетельствуют о вкусе ростовского владыки к книгам большого, торжественного формата, украшенными художественно исполненными миниатюрами.

При епископской кафедре велась летопись, восхвалявшая князя Константина и внимательная к событиям церковной жизни Ростова, а по смерти Константина ставшая летописью его преемников. Самого Константина предания рисуют как любителя книг и основателя школы в Ростове.

Все эти отдельные разрозненные факты говорят о большом развитии культуры в Ростове накануне трагической катастрофы монгольского нашествия.

Весной 1238 года ростовские полки участвовали в несчастной битве с татарами на реке Сить, окончившейся гибелью русских войск. Летопись сохранила трогательное описание гибели в татарском плену юного Ростовского князя Василька, отказавшегося изменить Родине и пойти на службу татарам и замученного ими. «Младая память моя железом погыбнет и тонкое тело увядает», скорбно причитал умиравший князь, но помним этого ростовского героя и чтим его подвиги.

(л. 19) Ростов, сданный без боя, сохранил свои культурные и художественные богатства, ставшие в дальнейшем основой развития его культуры. Ростовское вече было организатором и первого восстания против татар, охватившего в 1262 году все города Северо-Восточной Руси. Но тема о Ростове 13–15 столетий лежит уже за пределами данного доклада.

Архив ГМЗРК. Оп. 1. Д. 16. Л. 14–19

Ил. 1. Фигуры львов из белого камня, конец XII в. – первая треть XIII в. ГМЗРК

Забытая заметка о Сарском городище

Продолжение. Начало – на 6-й стр.

В 1820 г. Н. И. Бояркин безосновательно связал осмотренное им городище с цитатой из летописного текста за 1216 г., приведенной Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского». П. С. Савельев не воспринял эту информацию критически. На составленном им плане городища река подписана как «Сарра» – с двумя «рр», так же, как и в Новгородской первой летописи. Граф А. С. Уваров, опубликовавший материалы раскопок на городище, тоже не проверил эту информацию. На сводной карте археологических раскопок во Владимирской и Ярославской губерниях река подписана с двумя «рр», хотя никогда больше, ни до Уварова, ни после, название так не писалось.

Впервые в отождествлении городища с летописным текстом усомнился А. А. Титов, открывший настоящее место встречи союзных войск в 1216 г. – урочище Гора Святой Марии. В одной из рукописей, которая осталась неопубликованной, А. А. Титов писал: «Наконец самая местность (гора св. Марии. – А. К.) лежит исключительно только при реке Саре, тогда как городец у Дебол находится при реках Саре и Где. Не об этом ли монастыре св. Марии говорят и приведенные нами выше летописи. Переславская дорога недалеко; гора носит название св. Марии; в городце же нет никаких местных указаний об имени Марии, нет этого и в планах генерального межевания».

А. А. Титов писал в период, когда название «Сара» вытесняло первоначальное название «Гда». Обращение к источникам XVI–XVIII вв. по-

казало, что нижнее течение реки всегда называлось Гда, а не Сара. То есть городище, открытое Н. И. Бояркиным, изначально получило неверное название, и оно впоследствии закрепилось.

Под собирателем древностей в Ростове, по всей видимости, имеется в виду П. В. Хлебников, у которого П. С. Савельев жил во время раскопок в Ростовском уезде в 1854 г. Он упомянул его в письме от 2 сентября 1854 г., отправленном из Ростова В. В. Григорьеву: «В Ростове у меня редкий хозяин – купец Хлебников, русский человек с русским умом и чувством, образовавший себя до примечательной степени, собиратель древностей и редкостей, знаток своего уезда и губернии, оратор и писатель, ведущий огромную корреспонденцию и имеющий богатый архив. Между помещиками подобных людей

я еще не встречал, и едва ли можно встретить. Во всей Ярославской губернии пять человек занимаются русскою древностью и поддерживают губернские ведомости, и все пятеро – купцы или мешане».

Необходимо также прокомментировать еще одну фразу Н. И. Бояркина о том, что городище «находится близ большой дороги из Переяславля в Ростов». Обращение к межевым планам (ил. 1) показало, что шоссе в районе городища, соответствующее современной трассе М-8, было проведено в 1836 г. значительно восточнее, чем старая «большая дорога», которая проходила ближе к городищу. Место последней сейчас частично занимает полотно железной дороги Москва – Ярославль, построенной в 1870 г.

Алексей Каретников

«Необыкновенно красивый сад» Воспоминания о бывшем саде Титовых и Ростовского сельскохозяйственного техникума

Сад при ростовской усадьбе А.А. Титова на Покровской улице (ныне – ул. Ленинская), а в советское время «биосад» сельскохозяйственного техникума – объект многочисленных восторженных откликов современников, как в XIX – начале XX века, при жизни его устроителей и владельцев, так и в последующем, когда он превратился в опытное хозяйство учебного заведения. Давно нет уже знаменитого сада, но каждое свидетельство о нем ценно. Крупницы исторических фактов, почерпнутые из разных источников, должны способствовать историко-культурной реконструкции уникального городского садово-паркового пространства с почти двухвековой историей. Поражающий ныне своей неприглядностью пустырь с зияющей впадиной пруда вполне мог бы со временем преобразиться и вернуть былое значение обширного приусадебного участка, став вместе с домом А.А. Титова но-

вой в Ростове музейно-рекреационной зоной. Тем более что преемник сельхозтехникума – колледж отраслевых технологий – относительно будущего этой своей территории вынашивает схожие с «Ростовским кремлем» идеи.

Публикуемые воспоминания – еще одно свидетельство о том, как выглядел сад сельскохозяйственного техникума еще в середине XX столетия. До той поры начала 1960-х гг., когда профиль учебного заведения претерпел существенные изменения, приобретая технический уклон, с последующим упразднением агрономического отделения. Именно тогда был «упразднен» и бывший титовский сад.

Автор воспоминаний – Тамара Васильевна Пеункова (1937–2020), уроженка Ростова, почти всю свою жизнь прожившая в Ленинграде – Санкт-Петербурге. Здесь она окончила вуз и работала по специальности инженера-программиста, а выйдя

на пенсию, приобрелась к музейному делу. В качестве зрителя и организатора этой работы трудилась в Меньшиковском дворце, Эрмитаже. Тамара Пеункова – творческий человек, с детства любила рисовать, петь, сочинять стихи, вплоть до последних дней жизни она вела свою поэтическую страничку на литературном портале «Стихи.ру».

Короткие воспоминания, на один машинописный лист с оборотом, о городе своего детства, людях Ростовского сельхозтехникума и его «необыкновенно красивом саде» Т.В. Пеункова записала в 2003 г. Этот текст в 2006 г., зная о моих исследовательских интересах, связанных с Титовыми, мне передала Наталья Сергеевна Землянская, известный ярославский историк-краевед, автор многих публикаций об архитектурных памятниках Ярославля. Являясь двоюродной сестрой Т.В. Пеунковой, она вновь после нашего разговора обратилась к ней с просьбой прислать копии фотографий из упоминаемого в тексте воспоминаний альбома, и Тамара Васильевна с охотой отозвалась. Семь фотоснимков, два из которых воспроизводятся в публикации (ил. 1, 2), дополнили мемуарные заметки (к сожалению, не все фотографии хорошего качества).

Бывший дом Титовых, в котором с начала 1920-х гг. разместился сельскохозяйственный техникум, огромный сад при нем – для автора воспоминаний «единственное, незабываемое место». Здесь библиотекарем работала Лидия Леонидовна Смирнова, приходившаяся родной тетей и Тамаре Васильевне, и Наталье Сергеевне. Т.В. Пеункова с теплотой вспоминает о своей родственнице и других замечательных людях из «талантивого коллектива преподавателей и студентов». Огромным уважением у всех учащихся и работников техникума пользовался Николай Васильевич Чижиков (1891–1964) – преподаватель растениеводства, прекрасный педагог и краевед. Его дом на улице Ленинской, ближайший к дому Титовых, также был центром притяжения для ростовской и приезжей столичной интеллигенции. Здесь бывали архитектор В.С. Баниге, писатель Е.Я. Дорош и еще «много известных людей». Н.В. Чижиков и его жена Мария Алексеевна остались запечатленными в «Деревенском дневнике» Ефима Дороша под

фамилией Зябликовых (Николай Семенович и Татьяна Алексеевна). Фигурирует здесь и знаменитый реставратор Ростовского кремля Владимир Сергеевич Баниге (1905–1973), в «дневнике» он Сергей Сергеевич.

Творческая, артистическая и даже театральная атмосфера царил в стенах сельхозтехникума. Она была естественной продолжательницей атмосферы титовского особняка, где постоянно звучала музыка, ставились детские театральные постановки, собиралась интеллигенция. Эта атмосфера распространялась и на волшебный сад – титовский, а затем училищный – «с бесконечным разнообразием растений и ароматов». Доставшийся в «наследство» его новым хозяевам – талантливым, увлеченным людям, сад еще несколько десятилетий хранил «впечатление манящей глубины» и память о его создателях. Как записала Т.В. Пеункова, «сам А.А. Титов, положивший начало устройству сада и его коллекции», не мог бы и мечтать «о лучших хранителях сада».

Ярослав Смирнов

Ил. 1. У титовской беседки. Библиотекарь Л. Л. Смирнова и преподаватель Н. К. Кратирова в саду Ростовского сельскохозяйственного техникума. Конец 1940-х гг.

Ил. 2. Фрагмент планировки сада Ростовского сельскохозяйственного техникума. Конец 1940-х гг.

Передо мной старый альбом, вытянутый в ширину, с тисненными цветами и птицей на обложке и старыми черно-белыми фотографиями. И только лица на фотографиях молодые. И все такие знакомые, близкие и родные. Родные, даже если знакомы по фотографиям. Они окружали меня в детстве, в юности, они жители города моего детства. Большинство из них живет, к сожалению, лишь в моей памяти. И вот на этих снимках. И город моего детства живет в разновеликих островках старых особнячков, в поредевших бульварах, в аллеях старого парка, отражением в водах древнего Неро, и опять-таки в памяти.

На последней странице альбома надпись: «Все проходит... Прошло хорошее. Кончилась моя замечательная летняя практика. Будем ждать – пройдет и плохое. Люся. 1.10.1948 г.». Это Люся Чижикова, тогда студентка Московского университета, дочь Николая Васильевича Чижикова. Фотографии сделаны ею, и все эти милые лица – лица людей, связанных с этим единственным, незабываемым местом – Сельскохозяйственным техникумом в городе Ростове Великом. Техникум со схожим наименованием существует и сейчас, и даже место почти то же, но как мало все похоже на то, что было здесь в 40-х и 50-х годах.

На углу Ленинской и Московской улиц и сейчас стоит желтый двухэтажный особняк Титовых, главный учебный корпус техникума. Рядом тоже двухэтажный деревянный особнячок, где жили преподаватели техникума. За каменной оградой с арочными воротами, соединяющей два эти дома, за этими домами и еще рядом домов по Ленинской улице был мощный булыжник двор, где находился длинный хозяйственный корпус, а дальше огромный необыкновенно красивый сад. По крайней мере, тогда, в детстве, он казался мне таким. Глядя сейчас на старые фотографии, я понимаю, что красив и уютен сад действительно был, а впечатление огромности его достигалось не только за счет детского восприятия, а скорее за счет разумной планировки, разнообразия посадок и растений.

Иностранские слова «рабатки», «боскеты», «куртины» я узнала в том саду не только потому, что моя тетя, Лидия Леонидовна Смирнова, долгие годы проработала библиотекарем в этом техникуме, а потому, что живописные боскеты старых деревьев и цветущих кустов отделяли сад от городских улиц и создавали

впечатление манящей глубины. Рабатки с флоксами, душистым табаком вдоль дорожек, клумбы с вазами посредине и цветочными узорами, куртины с бесконечным разнообразием цветов и ароматов – все это было в саду сельскохозяйственного техникума. На консолях стояли огромные вазы с растущими в них цветами. И все несло на себе печать заботы и вкуса. Безусловно, принцип научного подхода лежал в основе устройства сада и подбора коллекции растений, но это дело посвященных, а ребенком, каким я была в те годы, да, впрочем, и сейчас при отсутствии специальных знаний, сад воспринимается как изумительно красивый уголок природы, созданный человеком. Маленький пруд со склоненной ивой над ним, ажурные мостики над дренажными канавами, большая беседка при входе в сад и кругом цветы, цветы. На фотографиях молодые женщины с целыми охапками астр, ромашек, гербер и, бог знает, какой еще красоты, которые и назывались тогда букетами. А в беседке, помню, девушки-студентки, готовясь к очередному спектаклю, лепили из хлеба жареных гусей для княжеского пирра в «Русалке».

В конце сороковых – начале 50-х в техникуме сложился удивительно талантливый коллектив преподавателей и студентов, увлеченных своим делом, коллектив, сделавший бы честь любому учебному заведению. Многие, окончившие техникум, поступали в Тимирязевскую академию и другие столичные вузы. На спектакли, устраиваемые в бывшем титовском особняке, собиралась вся ростовская общественность. И это притом, что в городе тогда еще действовал драматический театр. Со спектаклем «Русалка» коллектив пригласили в Москву.

Центром притяжения была семья Чижиковых – Марии Алексеевны и Николая Васильевича. У нее дворянские корни, он человек, в образовании и воспитании которого огромную роль сыграл Н.А. Морозов, народник, ученый, литератор, и оба они, Николай Васильевич и Мария Алексеевна, настоящие русские интеллигенты, в свою очередь посвятившие себя воспитанию молодого поколения и самим своим присутствием вызывавшие ощущение прикосновения к чему-то светлому и настоящему. Даже на фотографии, а может быть, особенно на фотографии, милые и симпатичные молодые лица уступают благородной,

я бы сказала, элегантно некрасивости Марии Алексеевны, самой старшей из запечатленных. Николай Васильевич кажется проще, доступнее, и, тем не менее, всегда чувствуешь в нем Учителя. Он неутомим, он любознателен и энергичен, он увлекается и увлекает, он движитель. О лучших хранителях сада, чем Н.В. Чижиков и биологи Кратировы – Александр Сергеевич и Нина Карловна, я думаю, не мог бы мечтать и сам А.А. Титов, положивший начало устройству сада и его коллекции.

Сад не просто сохранялся – у Н.В. Чижикова были там селекционные участки, а Нина Карловна увлекалась розами. Лучшего знатока почв и растительности Ярославского края, чем Николай Васильевич Чижиков, наверное, не было. Карты почв, составленные им, вошли в атлас. Он возил своих студентов в экспедиции и принимал специалистов из других районов. Краеведение было его величайшим увлечением. Боюсь утверждать, но не исключено, он один из первых в наше время вновь привлек внимание к трудам и заслугам А.А. Титова. Первую поездку преподавателей и студентов на Кавказ в 30-х годах тоже организовал Чижиков. Уже в семидесятых техникумцы снова последовали этому примеру. Когда после урагана в 1953 году стали восстанавливать Ростовский кремль, с каким энтузиазмом и с какой пользой стал помогать Николай Васильевич в этом деле архитектору В.С. Баниге. Много известных людей перебивало в те годы в доме Чижиковых. Неоднократно бывал писатель и журналист Е. Дорош. Академик В.Н. Сукачев в 1953 году дарит Николаю Васильевичу «Словарь русского языка» С.И. Ожегова «с горячей благодарностью за большую и разностороннюю помощь в исследованиях в Ярославской области».

Я не была студенткой этого техникума, я лишь едва прикоснулась к этому миру, и все-таки в чем-то эти люди, эта среда отложили свой отпечаток и на мою жизнь. Это здесь, пожалуй, я впервые получила представление о высоте нравственной планки. И как хорошо, что все они жили в городе моего детства. И как жаль, что проходит все.

Т. Пеункова
Февраль 2003 г.
г. Санкт-Петербург